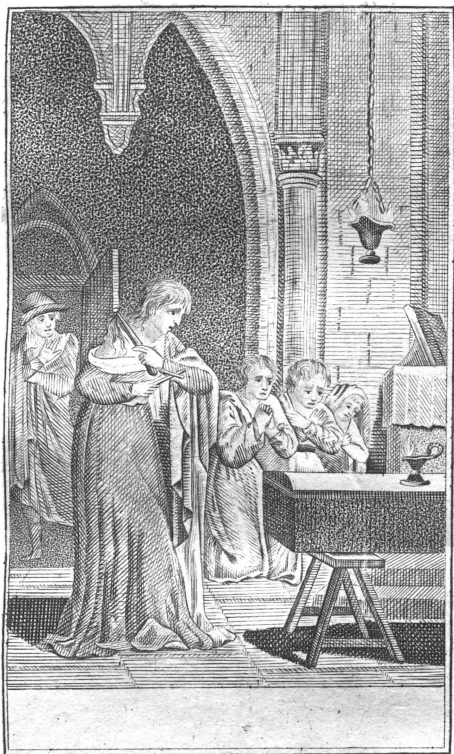

Къ Трапизу.

ПОЛНОЧНОЙ КОЛОКОЛЪ,

ИЛИ

ТАИНСТВА КОГЕНБУРГ-
СКАГО ЗАМКА,

сочиненіе

АННЫ РАДКЛИФЪ.

„Ахъ! — для чего мгновенная улыбка
„ка юнаго сердца человеческого
„бываетъ всегда признакомъ ко-
„ловратной судьбины его! „ —

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго ;
1802.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

„Вотъ участь человѣческая! — Нынѣ
„родятся иѣжныя двѣтшы лесной
„надежды; зашира распускающся
„пучечки счастья; они столь же
„восхищительны, какъ и алая ро-
„за въ началѣ вѣсны; но увы! --
„проходишь день, другой, по-
„шомъ шрепей --- цѣлое годовое
„время: падешь вмѣсто упрен-
„ней росы пушистый бѣлой снѣгъ;
„вмѣсто благошворнаго солнечна-
„го зноя застигнешь смершнй
„хладъ; вмѣсто улыбающагося
„Майскаго утра воздымашься бу-
„дешь вьюга! -- Мразъ окуеть
„живошворной корень нѣжной ро-
„зы; она завянетъ, поблскнутъ и
„опадутъ листья на долго....
„а можешъ бышь навсегда!....
„Судьба людей также нешосто-
„янна, какъ и время! --- Весною
„двѣшокъ красуется, шоржешшву-
„етъ привлекательностью своею,
„а зимою онъ спонетъ, какъ спо-
„наль нѣкогда Нарцисъ о мило-
„видности своей! -- Ахъ! не схо-

„денъ ли и человекъ съ цвѣт-
 „комъ? -- Пока пипомецъ форту-
 „ны, по тѣхъ поръ блаженспву-
 „спъ; но лишь за порогъ прѣво-
 „дитъ благошворительную госпью
 „сію: по дряхлѣспъ, вянеспъ,
 „сохнеспъ, не приманиваетъ, гиб-
 „неспъ, какъ гибну я теперь!...

Шекспиръ.

Въ повѣствованіи своемъ Лорета не упустила ни единого обстоятельство жизни мащери своей, которыхъ еще Графъ не зналъ. Подробности, употребляемыя Лоретою, дабы доказать невинность мащери, не смотря на любовь ея въ Графу де Когенбургу, какъ къ предмету нѣжной и постоянной сирации ея, пронудли до глубины сердца Графа Бирофа.

„Ахъ! вскричалъ онъ, для чего не
 „объявила она мнѣ всего? -- Для чего
 „не открыла шайну сердца своего! --
 „Мы наслаждались бы счастьемъ, и я
 „не былъ бы преступникомъ! -- По-
 „слѣ крашката молчанія онъ продол-
 „жалъ: „теперь, дочь моя, въ слушай
 „плачевную участь отца своего, и ты
 „удостоверись, что дурной преступ-

„покъ нечувствительнo вовлекаеть
 „человѣка, въ какомъ бы благополучіи
 „онъ ни былъ и ни родился, въ ужасныя
 „преслупленія, которыхъ дополь оду-
 „но воображеніе наводило смершній
 „на него страхъ! . . . „

„Отецъ мой и сестра его были
 „единственныя дѣши Графа Бирофа,
 „Нѣмецкаго дворянина, кошорой посе-
 „лился на небольшой землѣ, ему на-
 „слѣдственно принадлежащей, въ ок-
 „рестностяхъ Вѣны. -- Не всякой ро-
 „дился счастливымъ! -- Отецъ мой по-
 „дѣламъ своимъ принужденъ былъ ос-
 „тавить дворъ Австрійской, въ ко-
 „торомъ занималъ довольно почетное
 „мѣсто -- Тетка моя имѣла благопо-
 „лучіе понравиться богатому Италі-
 „янскому Маркизу, за котораго она
 „вышла за мужъ, и съ нимъ вмѣстѣ
 „уѣхала въ Италію. „

Отецъ мой женился на средняго со-
 сшоянія дѣвушкѣ; одинокое положеніе,
 взаимная любовь ихъ сдѣлали бракъ сей
 благополучнымъ; но только не надол-
 го: спустя нѣсколько лѣтъ отецъ мой
 умеръ, оставя меня и жену свою подъ
 призоромъ дѣда моего.

Дѣшнокія и непрезвидимыя несча-
 ссія нечувствительнo разшпроили дѣ-

ла дѣла моего. Онъ умеръ, оставя меня въ лѣтъ съ весьма умѣреннымъ состояніемъ; и для того мы съ матерью моею рѣшились, живучи и удалясь отъ свѣта, умножить хозяйствомъ сумму моихъ доходовъ, потому что рожденіе мое, шипулы отца моего преградили мнѣ путь къ другимъ способамъ. --- Ахъ! koliko пагубны предубѣжденія, подъ властью копорыхъ мы раболѣпствуемъ! . . .

Не много спустя послѣ смерти дѣда моего, получили мы письмо отъ тещки моей: она уведомляла насъ о смерти мужа своего, и о тѣхъ богатствахъ, копорыхъ онъ ей оставилъ въ наслѣдство; также призывала она насъ въ Испанію жить съ нею вмѣстѣ.

Владѣнія наши были наслѣдственные: онѣ переходили изъ рукъ въ руки ближайшихъ родственниковъ фамилии Графа Бирофъ; и такъ предосудительно показалось бы многимъ, чтобъ дворянинъ продалъ наслѣдственное имущество свое. Мы уѣхали изъ Германіи не объясня причину отъѣзда нашего.

Тещка моя, Маркиза дель Палермо, жила въ Венеціи и имѣла собственную огромную домъ; она приняла насъ съ

непришворною искренностию и дружбою. — Мать моя, не долго поживши въ Италіи, умерла. Съ сего случая шепка моя удвоила обо мнѣ нѣжную попечительность свою, объявила, что не желаетъ въпорично быть за мужемъ и по сей самой причинѣ, за исключеніемъ посторонняго завѣщанія, она оставляетъ меня наследникомъ всего имѣнія своего. Оказавъ ей мою признательность, услышалъ отъ нее, что она сыскала мнѣ надзирашеля, съ копорымъ хочетъ она, чтобъ я путешествовалъ два года. Прежде гсякаго моего устройства, знала она тогда, привязанность мою къ швоей мапери.

Въ молодости всякой подобенъ легковѣрной и вепрянной бабочкѣ, копорая перелетывая съ цвѣтка на другой, ищетъ еще новинькаго— Я обольстился шаковымъ предложеніемъ шепки моей, надѣясь возвратиться изъ путешествія гораздо доспойнымъ руки дочери Графа Арисно, пошому что шепка моя говорила ему о сердечныхъ чувствахъ моихъ; онъ согласился выдать дочь свою за меня.

Прошело 18 мѣсяцовъ послѣ отъѣзда моста изъ Италіи, какъ вдругъ получилъ я отъ повѣреннаго шепки моей

письмо, которымъ увѣдомлялъ онъ, что тетка моя умерла, ославя по завѣщанію своему меня наследникомъ всего своего имущества.

Я возвратился въ Венецію очень скоро для полученія наследства. Лишь только прошло нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда моего, Графъ Ариено посѣпилъ меня и оказалъ соболѣзнованіе о пошері моей; съ другой стороны поздравлялъ меня съ полученіемъ споль великаго богатства, и прежде нежели уѣхалъ отъ меня, напоянулъ объ уговорѣ нашемъ, касательно дочери его; также просилъ меня не дѣлать никакого примѣчанія, естли найду дочь его печальною, потому что шѣмъ умножу лишь грусть, которая въ ней поселилась съ самой смерти Маркизши дель Палермо.

Я обѣщаль ему все исполнить, думая, что истинная причина того единственно клонится къ спокойствію предмета, мною обожаемаго. — При первомъ посѣщеніи моемъ я былъ пораженъ печалью, которая изображалась на лицѣ Лореттиномъ; стараясь ее утѣшить, я не говорилъ ни единого слова объ причинахъ горести ея, даль также на замѣчаніе ей, что она очень

перемѣнилась. — Лорета плакала — и я начиналъ говорить объ другомъ. Всякой разъ, когда бывалъ я съ нею, Графъ Аріено отъ насъ не отлучался. Ахъ! теперь знаю я причину такого дѣйствія, которое меня тогда удивляло: онъ вѣдалъ сколько дочь его боялась, и такъ рѣшился присудствіемъ своимъ прекратить всякое объясненіе со мною. Горе тѣмъ отцамъ и матерямъ, которыхъ презрительная корысть къ прибытку содѣлываетъ ширанными — и орудіями злополучія дѣшей! — При всякомъ свиданіи моемъ съ Графомъ Аріено дѣлалъ онъ мнѣ предложеніе ускорить день свадьбы моей; но любовь и почтеніе къ шешкѣ моей возбраняли скоро мнѣ на то рѣшиться; однакожъ частыя предложенія Графскія, согласны будучи съ чувствами моими, перемогли всѣ препятства, и я женился на матери своей. Послѣ свадьбы нашей шешень мой пребывалъ, чтобъ мы прожили мѣсяца два въ домѣ его. Я почелъ пребываніе такое за родительскую горячность; но теперь ясно вижу, что хотѣлъ удержатъ ее у себя для лучшаго и свободнаго надзора за поступками дочери своей! — Тщешно упошреблялъ я всевозможныя

способы возвратить женѣ моей прежнюю веселость—мрачная задумчивость обуревала чувства ея...

Прошло шесть недѣль послѣ свадьбы нашей, какъ въ одинъ день, проговаривая тещю моему о соболѣзнованіи моемъ касательно грусти жены моей, узналъ отъ него, что подозрѣваетъ онъ дочь свою въ невѣрности: безсомнѣнно пишетъ она въ сердцѣ своемъ порочную спрась къ какому нибудь негодяю, примолвилъ Графъ Ариено.

Такое открытіе разрушило спокойствіе, оскорбило чувствительность мою и представило вдругъ мыслямъ моимъ всѣ таинственные поступки тещи моего. Съ какимъ омерзѣніемъ взиралъ я на него! —

Тогда узналъ я все отъ подлаго чловѣка сего — Все узналъ я, какъ жена моя прежде брака нашего любила Графа де Когенбурга, какъ и онъ ее любилъ и наконецъ безразсудной тещей мой ободрялъ самъ мужественную рѣшительность мою... Кто повѣритъ, чѣмъ доставало у него духа хвастаться въ присутствіи моемъ, сдѣлавъ злополучіе единственной дочери своей, а съ нею вмѣстѣ и мое?— Будучи раз-

драженъ шаковымъ поступкомъ , я у-
прекалъ его въ подлости , варварствѣ!
... Онъ слушалъ меня съ хладнокрові-
емъ и молчаливою насмѣшкою , какъ ша-
кой человекъ , которой сдѣлавъ доброе
дѣло , ушѣшался сдѣдствіями онаго —
Ахъ! для чего естъ такіе изверги , ко-
торые любятъ бѣдственнѣмъ поло-
женіемъ себѣ подобныхъ ? ... Скоро я
замолчалъ — Кто препятствуетъ те-
бѣ , сказалъ мнѣ Графъ Аріено съ пре-
жнею холодностію : кто претитъ те-
бѣ избавишься ошъ накучавго сопер-
ника твоего ? — Какъ избежашъ мнѣ
того ? — Куда скрисься ! — Дайше
мнѣ совѣтъ вашъ ? — Убѣй его !
Никогда не обнажалась шпага моя про-
тиву подобнаго мнѣ человекъ ; я сод-
рогнулся при такомъ предложеніи .
Тестъ мой примѣшилъ то , и чтобъ
докончатъ начатое имъ , онъ прибавилъ :
ну , такъ шерпи нахальства вѣроломна-
го соперника своего , когда не можешь
избавишься ошъ нихъ ! — Въ большую
ярость привели меня слова сіи . Дайше
мнѣ ясное доказательство , вскричалъ
я , подозрѣній вашихъ , и вы увидите ,
могу ли владѣть самимъ собою ? — Я
докажу тебѣ , что справедливо говорю ,
вскричалъ , уходя изъ комнашы и хла-

кнувши дверью шессть мой— достойной
Графъ Аріено.

Въ какое мученіе повергло меня такое объясненіе! — Легко ли чувствительному, благомыслящему челоѣку узнать, что онъ ненавистный для жены своей предметъ — жены, которую почиталъ онъ утѣшительнымъ гениемъ своимъ, подпорою всѣхъ надеждъ, всего счастья!... Ахъ! — и она жертва алчной корысти и гордости жестокаго отца!...

Я рѣшился однакожъ молчать до тѣхъ поръ, пока получу ясноты и объясненіе мнѣ доказательство. Немного разъ подозревалъ я жену мою; столько же не вѣрилъ словамъ Графа Аріено.— Но хотя мысли мои были и различны; однакожъ не могли онѣ оправдать въ глазахъ моихъ предметъ, причинившій только гибели женѣ моей!..

Прошло пять дней послѣ разговора моего съ тещемъ моимъ, какъ пришелъ онъ въ комнату мою съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ; сѣвши подлѣ меня: я объявилъ, сказалъ мнѣ Графъ Аріено, вчерась ушромъ дочери моей обѣ отъѣздѣ всею съ тобою въ деревню на два дни; ты узнаешь легко намѣреніе мое, когда увидишь изъ

письма сего, какое слѣдствіе оно возымѣло. — Послѣ сего получилъ я изъ рукъ его письмо — прочиталъ оное; посудише объ удивленіи моемъ! это было приглашеніе жены моей къ Графу Фридеріку де Когенбургу, самою ею писанное: она звала любовника своего для тайнаго свиданія къ теткѣ ея, назначая вечернее время. — Нѣсколько разъ пробѣжалъ я быстро глазами моими письмо сіе, прежде нежели въ почности увѣрился. — Скоро Графъ Аріено извѣстивъ меня, какимъ образомъ перехватилъ письмо то изъ рукъ служителя, которому было оно ввѣрено — Я слушаю его, не говоря ни единого слова. Кто можешь предсказать себѣ мучительное положеніе мое? — Лишь только хотѣлъ я разорвать письмо сіе на мѣлкія части, какъ вдругъ Графъ, вырвавъ его изъ рукъ моихъ, вскричалъ: остановись! — Оиѣ письма сего зависишь мщеніе свое! — Потомъ сѣлъ онъ къ письменному столу моему, запечаталъ снова письмо то, позвалъ человека, на котораго болѣе всѣхъ полагался и приказалъ сему послѣднему отнести письмо по надписи.

Погруженный все еще въ горести, молчаніе мое не было ничѣмъ преры-

ваемо; одни тяжкие вздохи воздымали прелепещущую грудь мою. — Слуга шешя моего ушелъ— Графъ спросилъ меня тогда: видѣлъ ли я, чѣмъ сдѣлалъ онъ? — Видѣлъ, ошвѣчалъ я, и просилъ его объяснитьсь. — Графъ де Когенбургъ, сказалъ шестъ мой, конечно не преминетъ исполнить прозьбу дочери моей; ему необходимо должно проходить узкой и глухой переулкомъ, чѣмобъ прийти къ дому сеспры моей, гдѣ назначено свиданіе; ты долженъ на все рѣшиться — Мы нынче же распростились уѣдемъ изъ дому моего, и такъ все подозрѣніе исчезнетъ; но я требую отъ тебя, чѣмобъ кровью своего соперника было омыто безчестіе, имъ нанесенное роду моему! — Ахъ! Ешьлибъ я былъ Ишальянецъ, съ какимъ восторгомъ принялъ бы сѣ предложеніе; но сердце мое запрепешало! — Убивши его, сталъ бы я преступникъ — противу всѣхъ законовъ! — Однакожъ, думалъ я, когда соперникъ мой достоинъ смерти, для чего не обнажить мнѣ мстительную руку мою противу врага честности? — Законы извиняютъ преступленіе, въ которое ввергся кто, защищая самаго себя! —

Я увѣрялъ Графа Аріено, (которой привыкнувши къ обычаямъ такой землѣ, гдѣ жертвуется жизнь человѣческая гораздо больше самаго послѣдняго живошнаго), что во всемъ согласенъ, толькобъ былъ онъ со мною. Онъ долго почему не вѣрилъ; наконецъ рѣшился за мною слѣдовать — Послѣ обѣда того же дня въ назначенной Графомъ дочери его часъ отъѣзда нашего, мы сѣли на лошадей, и уѣхавъ изъ города, прискакали къ одному деревянному домику, принадлежащему находившемуся некогда во услуженіи Графскомъ служилею. Тамъ оставили мы лошадей и подъ вечеръ пѣшкомъ пришли въ городъ.

Съ часъ времени пришли мы прежде назначеннаго женою моею свиданія съ Графомъ де Когенбургомъ; я выдернулъ шпагу мою и спалъ съ тещемъ моимъ такъ, чтобъ посредствомъ отраженія шпѣни одного спросенія никто насъ примѣнить не могъ. Скоро услышали мы идущихъ людей; человекъ, завернувшій въ плащъ, скоро проходилъ мимо насъ. Аріено сказалъ мнѣ тихо; это онъ — точно Графъ де Когенбургъ — Подбѣжавши къ нему, бранилъ я его варваромъ, и вызывалъ на дуэль — Онъ

отвелъ палкою нанесенной мною ему ударъ и хотѣлъ уйти; но я отскочивъ на нѣсколько шаговъ назадъ пронзивъ его шпагою. — Въ самое сіе время услышали мы множество голосовъ — Скоро побѣжалъ я къ Графу въ домъ, а онъ къ сестрѣ своей.

Какое мученіе претерпѣлъ я въ теченіе сей злополучной ночи! — Вошедши въ комнашу матери своей, увидѣлъ, что принесена она въ свою комнашу отъ пешки; узнавъ меня, она осыпала упреками, которые раздирали сердце мое, и объявила мнѣ о спрасни своей къ Графу де Когенбургъ; но припомъ призывала небо въ свидѣтельство о невинности своей, касательно того пресупленія, въ которомъ Графъ Ариено и я ее обвиняли. — Доша явно открылось глазамъ моимъ пресупленіе жены моей; но любовь моя къ ней такъ была безпредѣльна, что я всячески старался искренними увѣреніями уменьшить цѣну пощери ея! — Она не внимала словамъ моимъ, и я вышелъ изъ комнашы ея съ такимъ же волненіемъ чувствъ, какъ я вошелъ въ нее. . .

На другой день ввечеру, между тѣмъ, какъ я занимался новыми усиліями успокоить мать свою, пришли мнѣ ска-

зашь, что Графъ Аріено требуетъ скорого моего къ нему прихода. — Онъ въ короткихъ словахъ сообщилъ мнѣ, что Графъ Фридрихъ де Когенбургъ избѣжалъ мщенія нашего, и что убитой мною челоуѣкъ былъ сынъ перваго Сенатора. Но дехиновъ обѣщано, прибавилъ онъ, тому, который представитъ убійцу: самымъ Сенаторомъ определено сослать въ ссылку, лиша всего имущества, преступника, также и съ тѣми поступлено будетъ по всей строгости законнаго осужденія, не взирая ни на какое лицо! — Какъ выражу я мучительное угрызение совѣсти моей, когда узналъ, что убилъ невиннаго! — Теперь, продолжалъ Графъ Аріено, какое предпочтеніе заслужишь отъ васъ такой другъ, который спасетъ васъ отъ угрожающей гибели? — Неминая, думалъ я, будетъ мнѣ смерть, когда предшъ вѣрѣ ментъ къ суду. Ахъ! въ жестокую минуту свою смерть была бы мнѣ безцѣннымъ даромъ небесъ, только не отъ руки палача — и не на эшафотѣ! — Гдѣ найши такого друга, вскричалъ я? Такую рѣдкость въ нѣнѣнѣмъ вѣкѣ? — Во мнѣ, подхватилъ скоро Графъ! Займемся теперь способами ошврашнѣнъ погнбѣль швою; еспѣ-

ли себя схватятъ и обвинятъ въ преступленіи, то конечно все имущество твое будешь конфисковано и обращено въ казну; и такъ сохраненіе жизни твоей зависишь отъ скората побѣга. Побѣжай скорѣе за границу. Не возможно тебѣ также въ столь короткое время, которое осталось къ спасенію твоему, успроить дѣла и съ выгодною продать всѣ имущества; остаешься тебѣ только положишься на меня — Оставьше одну землю казенному конфискованію и бѣгише, пока время и случай благоприятствуешь; я же, распорядивъ оставленное у меня имущество твое, перешлю къ тебѣ деньги, мною за оное взяшья, при первомъ извѣстии о благополучномъ выѣздѣ твоемъ за границу и о безопасномъ положеніи. — Чувствительнѣе пораженъ былъ я такимъ предложеніемъ Графа, по мнѣнію моему весьма выгоднымъ. Въ восторгъ бросился я ему на шею, обнималъ его, благодарилъ и спѣшилъ произвести, какъ можно скорѣе, все сие въ дѣйство. — Лишь только успѣлъ я приложить руку и печать къ той бумагѣ, которая предоставляла Графу Аріено право надъ всѣми моими имуществами; какъ вошелъ къ намъ лѣкарь

жены моей и объявилъ о побѣгѣ ея — Графъ принялъ вѣстіе сіе весьма холодно, и я также, очень много занимаюсь угрожающею мнѣ опасностью; слѣдовательно безъ особливаго вниманія слушалъ слова лѣкаря; полагая, что Лоренца узнала о спасеніи Графа Фридриха де Когенбургъ и нашла случай вмѣстѣ съ нѣмъ скрыться — Черезъ нѣсколько часовъ я уже не былъ во Венеціи и ихъ владѣніяхъ; а въ двѣ недѣли прѣхалъ въ Парижъ, городъ мною избранной для избѣжанія розысковъ ошъ правительсства. Чѣмъ болѣе удалялся я ошъ Венеціи, тѣмъ меньше ожидалъ опасности. Одно перевозило меня: шпионы, которыхъ не малое число находится во всякомъ государствѣ!... На другой день прѣзда писалъ я къ Графу Аріено, извѣщая о мѣстѣ моего пребыванія. Не нужнымъ считалъ я напоминать ему о скорѣйшемъ присланіи слѣдуемыхъ мнѣ за имущество мое денегъ. — Онъ зналъ, думалъ я, что съ самою малою суммою и нѣсколькими только перснями уѣхалъ я отъ него. — По прошествіи трехъ недѣль получалъ я отъ него письмо, короткое и ясное слѣдующаго содержанія.

Преступленіе ваше, государь мой, стало гласно, вы обвинены въ убійствѣ Сенаторскаго сына, и такъ имущество ваше, ославшееся подъ именемъ вашимъ оконфисковано и взято въ казну — Сожалѣю о семъ: самое сіе прешіишь мнѣ вамъ послужишь; вы знаете, что я Сенаторъ, слѣдовательно подвергну себя строгому осужденію правительсва, когда откроется, что покровительствовалъ челоуѣку, обвиненному всѣми законами — И такъ мнѣ остается только поблагодарить за укрѣпленіе такого имущества при отъѣздѣ вашемъ, которое бы на вѣрно принадежало теперь казнѣ. —

Недостойный Сенаторъ! вскричалъ я, прочтя письмо сіе: такъ ты чпишь ты законы! — Отъ тебя зависить участь многихъ людей и ты не стыдишься явно обнаруживать вѣроломство свое! —

Графъ Бирофъ отдохнулъ не много; потомъ продолжалъ: въ какое состояніе приведенъ я былъ! — Все богатство мое состояло въ 15 цехиновъ и двухъ перстняхъ посредственной цѣны, не имѣя въ виду даже ни одного способа возвращить явно мошенническимъ образомъ отнятаго у меня. Какъ

могъ я думать о мщеніи противу такого человѣка, которой былъ причиною всѣхъ бѣдъ моихъ: малѣйшая неосторожность моя въ семъ обширномъ городѣ могла быть мнѣ опасною. Будучи иностранецъ, не имѣлъ я ни друга, кошорой бы помогъ мнѣ, ни знакомаго, чшобы разговорами укороташь медлишельно проходящее время!—Ахъ! какъ могъ я льспить себя надеждою, освободиться изъ ужасной пропасти такого лабиринта, въ кошорой повергъ меня для пагубнаго корыслолюбія своего хитрый человѣкъ, къ коему нима-лѣйшей даже привязанности я не имѣлъ. — Боже! — Боже милосердый! справедливость Твою призываю во свидѣтельство: могъ ли Графъ Арено быть мнѣ другомъ? — Корысль заглушила въ сердцѣ сего ширана гласъ соспрадашельности, содѣлала его давно уже бычемъ добродѣтели, а не защитникомъ ся!...

Всякую минушу помышлялъ я о безопасности своей, зная, что когда убѣжище мое будетъ извѣстно, шо Венеціанское правленіе возметъ свои мѣры. Иногда спрашился я, что Графъ Арено, для безопаснаго владѣнія на-глымъ образомъ похищеннаго у меня

имущества, откроетъ известное ему мѣсто моего пребыванія шамошнему правительству и употребитъ все способы къ скорѣйшему приближенію смерти моей, дабы какими нибудь переворотами не вошелъ я опять въ право наследственнаго имущества моего. — Съ одной стороны успокоивался я тѣмъ, что Графъ, обвиняя меня, обвинитъ и себя, а во вторыхъ думалъ, что убѣжище моего не откроютъ; и такъ перекинувъ плащъ мое, рѣшился жить все въ Парижѣ. Обширность и многолюдность города сего увѣряли меня въ безопасности. — Нанявши квартиру въ самомъ глухомъ мѣстѣ, единственно занимался способами, какъ прожить, ходилъ каждой день въ кофейной домъ, гдѣ бывало пропасть молодежи; по вечерамъ игрывали все въ шашки; я игралъ въ нихъ очень хорошо — Увидя меня вновь предлагали играть; я соглашался; и такъ какъ цѣна была весьма маленькая, то и не рисковалъ никто очень много проиграть — Были игроки искуснѣе меня; съ тѣми я проигрывалъ; но по большей части попадали мнѣ просвячки, и я оспивался всегда съ деньгами — Иногда же выигрывалъ я по тому, что слабо

набитой кошелекъ мой принуждалъ меня болѣе заниматьса игрою : ибо всякой проигрышъ былъ мнѣ чувствительнѣе , нежели кому другому— Выигранныя деньги почиталъ я вспомоществованіемъ небесъ!— Нужда ко всему пріучишь. Въ 6 мѣсяцовъ экономією моею накопилъ я 50 дукатовъ. Со стороны денегъ я успокоился; но не могъ быть покоенъ, помышляя о мажери твоей. Я старался развѣдывать объ ней ; но все тщетно!— Хотѣлъ я также опшмстить тому челоуѣку , кошорой разрушилъ благополучіе дней моихъ!— Размышляя долго о семъ предметѣ , заключилъ сѣдующимъ : смерть Графа де Когенбурга можетъ ли возвратитъ мнѣ благополучіе дней моихъ?— Нѣтъ!— Кровь его омоетъ ли пресупленіе мое?— Нѣтъ!— Могу ли надѣяться , чтооу жена моя могла быть такою , какою долженствовала быть?— Ахъ! нѣтъ!— нѣтъ!— нѣтъ!— Для чего же мнѣ искашь шу , кошорая бѣжитъ отъ меня?— Для чего снова расправляешь рану мучительнаго угрызенія совѣсти моей?— Гдѣ найду я спокойствіе , кошорого давно уже лишенъ, сдѣлавшись убійцею невиннаго челоуѣка! . . . Рѣшившись одинъ разъ навсегда позабыть

шакую женщину, которая была мнѣ
 любезна, употреблялъ я къ тому всѣ
 способы; но, ахъ! иногда чувствва мои
 мнѣ измѣняли. Вспоминая объ Лоретѣ,
 не могъ я безъ сожалѣнія подумать о
 бѣдственной участи ея! — Вотъ слѣд-
 ствія, восклицалъ я, пагубнаго и не-
 насытнаго корыстолюбія родителей!
 . . . Что же касается до Графа Арено:
 то оной часно предсавлялся вообра-
 женію моему, и при всякомъ такомъ
 вспоминаніи непреоборимой ужасъ вла-
 дѣлъ чувствами моими. Возможно ли,
 думалъ я, чтобъ существовалъ такой
 ширанъ, такой извергъ человѣчества?
 — Онъ пожертвовалъ единственную до-
 черью своею, обманулъ невиннаго че-
 ловѣка, женилъ его на дочери своей —
 вооружилъ руку зятя своего, соорудилъ
 мщеніе свое противу такого чело-
 вѣка, къ которому дочь его была
 страстна, ограбилъ меня и окаменѣлое
 сердце чудовища сего не дрогнуло? —
 Совѣсть не могла укорять пошому,
 что уже давно онъ ее не имѣетъ — не
 имѣетъ такого опличія, безъ котораго
 человѣкъ ничто иное, какъ пре-
 зрительное швореніе! — Сколько дока-
 залъ онъ вѣроломство свое! бывъ самъ
 судья вышняго мѣста, довѣренная особа

иравительства, наглымъ образомъ сдѣ-
 лаася похишителемъ государственнаго
 интереса и тѣмъ преступилъ долгъ и
 обязанность ненарушимой клятвы. Мо-
 жетъ ли безчеловѣчный гонитель до-
 бродѣтели быть полезнымъ членомъ
 благоустроеннаго общества — и пря-
 мымъ добрымъ сыномъ отечества? . . .
 Вотъ каковы бывають иногда люди ,
 долженствовавшя служить подпоркою
 государства ! . . .

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Какое мученіе — не имѣть друга ,
 кошораго бы нѣжный гласъ со-
 страданельности усладилъ горе-
 стныя бѣдствія мои ! — Блѣдная
 смерть мелькаетъ въ беспряхъ
 глазахъ моихъ — слезы льются
 по блѣднымъ ланчнамъ — сожде-
 ность и трепещеть — оно тре-
 пещеть и день и ночь ! — Какое
 мученіе ! . . .

Ш л е н ц е р ъ .

Повѣствованіе Графа Бирофа было
 пресѣчено вошедшимъ старымъ паспу-

комъ : онъ принесъ имъ чашку горячаго
 молока. — Графъ поблагодарилъ его , а
 Лорета , обшрши слезы чувствитель-
 носши , испортушыя злополучнымъ
 повѣснвованемъ ошца своего , выпила
 не много молока — Графъ пилъ также
 молоко — Паспухъ удалился , восхи-
 щаясь благодарностшю Графа , кошорой
 началъ продолжашъ повѣснвоване свое :
 уже жилъ я въ Парижѣ около двухъ
 лѣтъ , какъ вдругъ однимъ днемъ воз-
 вращаясь съ обыкновенной моей прогул-
 ки , бывшей въ предмѣстшхъ города , у-
 видѣлъ , что два человека , совсѣмъ мнѣ
 не извѣстные , шли слѣдомъ за мною ;
 скоро пришелъ я на квартиру и они
 вошли въ комнаты мои . Какая причи-
 на прихода вашего , спросилъ я ихъ ? —
 Намъ надобно тебѣ , дружокъ ! спунай-
 ка за нами , сказалъ одинъ изъ нихъ —
 Куда ишши мнѣ , спросилъ я его ? —
 Тотъ , кошорой прежде говорилъ мнѣ ,
 отвѣчалъ на сей вопросъ мой , выдер-
 нувъ изъ бокового кармана свернутую
 бумагу , кошорую развернувъ , показалъ
 мнѣ печать , къ оной приложенную . У-
 видя сіе , я почелъ двухъ человекъ сихъ
 за лазутчиковъ , подосланныхъ отъ Ве-
 неціанскаго правленія ; но посудите объ
 удивленшхъ моихъ , когда узналъ , что

та бумага была ордеръ вести меня въ Баспилю: однимъ словомъ, это былъ Королевскій указъ! — Два человека посадили меня въ узенькую карешку; въ ней не было ни единого окошка. — Скоро услышалъ я, какъ опустился и потомъ поднялся подъемной мостъ, ведущій въ обшпаллицу ужаса и отчаянія! ... Кареша, въѣхавши на первой дворъ, остановилась: двое стражей моихъ повели меня по вымощенному камнемъ двору, окруженному превысокими и шпалстыми стѣнами; потомъ введенъ я былъ въ сѣни того огромнаго строения, котораго даже наружный видъ часно наводилъ на меня ужась. — Увы! могъ ли я когда вообразить, чтобъ вышрпѣлъ столько мученія и въ Баспили? — Чего не вышрпитъ человекъ? — Пройдя двѣ огромныя залы и множество темныхъ переходовъ, мы пришли къ большой желѣзной двери, которая была въ концѣ длиннаго коридора, освѣщеннаго однимъ только маленькимъ окошечкомъ. Желѣзную дверь отворилъ человекъ, котораго наши мы во второй залъ; я узналъ уже послѣ, что то былъ надзирашеть. Меня впустили въ дверь и оную заперли; я очутился въ маленькой чешвероу-

гольной комнашѣ, которой все убранство состояло въ развалившемся шпалкѣ, спулѣ и ветхомъ пуховикѣ; щечкашурка со спѣнѣ въ нѣ опорыхъ мѣстахъ отвалилась: признаковъ чрезвычайной сырости сего мѣста. — Скоро я очень озябъ. — Въ семъ горестномъ уединеніи размышлялъ я о причинахъ моего заключенія: Венеціанское правленіе, думалъ я, не можетъ такъ долго продолжашъ поиски свои обо мнѣ; съ другой стороны, не сдѣлавъ ничего предосудительнаго въ семъ городѣ, страннымъ мнѣ казалось, для чего безъ причины могли меня посадить въ Бастилію, да еще по Королевскому указу! — Слыхалъ я, что и невинные погибають въ Бастиліи; но чемъ могъ иностранецъ навесити на себя подозрѣніе, а особливо шаккой, которой даже и не говорилъ о политическомъ состоянтіи неизвѣстнаго ему государства? — Нѣсколько часовъ ходилъ я скорыми шагами по шюрмѣ моей; ввечеру принесъ мнѣ не много хлѣба и воды чловѣкъ, котораго почелъ я за шюремщика; онъ спазвалъ принесенное на шоль и опяшь ушелъ. — Наступившая ночь умножила страхъ мой; въ шюрмѣ моей было шолько одно окошко, да и шо за-

дѣлано претолстыми желѣзными рѣшешками. — Я спалъ на сшуль и увидѣлъ, что окно было на дворъ, топъ самой, которой я проходилъ. — Ночь прошла въ размышленіи о бѣдственной участи моей; на другой день поутру тюремщикъ принесъ топъ же привасъ, какъ и наканунѣ. Такъ проехали три дни, въ которые уединеніе мое не было никѣмъ прерываемо: одинъ только утренній и вечерній приходъ тюремщика выводилъ меня изъ задумчивости. — Первые дни осыпалъ я его вопросами, но видя, что не получаю ни одного отвѣта, рѣшился болѣе ему не екучать. — Поутру четвертаго дня надзиратель, преслѣдуемъ будучи двумя вооруженными солдатами, вошелъ въ тюрьму мою. Надобно тебѣ освѣжишься сегодня, сказалъ онъ мнѣ; а те занеможешь. Меня посадили между двумя солдатами, и мы пошли за надзирателемъ въ коридоръ; пошомъ сходили по лѣстницѣ, проходили узкой персходъ, оняшь всходили по каменной лѣстницѣ вверху, и пришли къ большой желѣзной двери. Надзиратель отперъ ее, и я введенъ былъ солдатами въ четвероугольную площадку длиною и шириною въ 12 фушовъ; но шакъ

окруженную стѣнами со всѣхъ сторонъ, что кромѣ неба ничего не можно было видѣть. — Солдашы осшановились у дверей; надзирашель вошелъ на середину шой площадки; я подошелъ къ нему, просилъ и заклиналъ объявить мнѣ причину моего заключенія. — Онъ не хотѣлъ отвѣчать, и скоро ушелъ съ площадки. — Солдашы все шюли у дверей, я хотѣлъ поговорить съ ними; но всѣ усилія мои осшались тщетными: они молчали. — Черезъ полчаса надзирашель пришелъ, и я отвведенъ былъ опять въ шюръму мою. — Черезъ всякіе четыре дни меня всегда водили на вышесказанную площадь. — Прошло семь мѣсяцовъ, и дѣло о заключеніи моемъ не пояснялось. — Въ одно утро дверь моей шюръмы отворилась и я увидѣлъ вошедшаго надзирашеля съ двумя солдашами; такое дѣйствіе чрезвычайно удивило меня, шѣмъ паче, что наканунѣ того самаго дня былъ я на площадкѣ. Солдашы поставили меня между собою и пошли за надзирашелемъ. Скоро привели меня въ большую галлерею, гдѣ увидѣлъ я сидящаго человѣка, кошорой, какъ мнѣ послѣ сказывали, былъ Судья полицейской; по божамъ его шакже сидѣли еще по одному

человѣку. — Меня поставили у противнаго конца того стола, вокругъ котораго сидѣли три особы сіи: Секретарь принудилъ меня произнести клятву объявить истинную правду; по окончаніи присяги Полицейской Судья началъ допросъ свой: ты Моншвиль? — Такъ — Точно ли тебя такъ зовушь? — Я молчалъ — Не забудь, дружокъ, продолжалъ Судья, что ты поклялся говорить правду! и такъ сказывай, точно ли тебя Моншвилемъ зовушь? — Нѣтъ — Какъ же? — Я имѣю причины скрывать то отъ васъ — Запиши пояснѣ, вскричалъ Судья гордымъ голосомъ Секретарю, отвѣтъ сей; потомъ продолжалъ: Французъ ли ты? — Нѣтъ! — Венеціянецъ? — Нѣтъ — Не облыгай меня, или худо будетъ: ты вѣрно Испаліянецъ? — Нѣтъ — Ты пріѣхалъ изъ Венеціи? — Да — Давно ли? — Тридцать два мѣсяца безъ тѣхъ, которые здѣсь прожилъ. — А за чѣмъ пріѣхалъ ты въ Парижъ? — Я вамъ того не скажу — У тебя вѣрно злой умыселъ? — Кто можетъ это сказать? — Ты сюда пришелъ не спрашивать, а отвѣчать, грубо вскричалъ Судья; потомъ пошепщавъ на ухо тому человѣку, которой у него съ правой руки си-

дѣлъ, началъ перебирать листы раз-
вернутой и передъ нимъ лежащей кни-
ги, оспанавливаясь при каждомъ ли-
стѣ; еще разъ пошепталъ на ухо то-
му челоуѣку и спросилъ меня: чѣмъ
жилъ ты здѣсь? — Кто можетъ дока-
зать, что жилъ я здѣсь на цѣль не-
справедливыхъ приобретений — или на-
зовешь ли кто меня пресступникомъ! —
Ты принялся за старое: отвѣчай на
то, о чемъ тебя спрашиваютъ. — При-
везя съ собою изъ Венеціи денегъ, ими
жилъ здѣсь — Послѣ многихъ таковыхъ
вопросовъ, изъ которыхъ не могъ я
узнать причину моего заключенія, вы-
вели меня изъ залы и я опять очу-
тился въ прежней шюрмѣ своей. — По
испеченіи двухъ мѣсяцовъ меня впо-
рично привели въ вышеозначенную гал-
лерею: ты признался, сказалъ мнѣ
Судья, въ первомъ допросѣ твоемъ,
что прѣхалъ изъ Венеціи — Да, только
я не Венеціанецъ — Ты объявилъ
также, что служилъ Венеціанскому
правленію — Нѣтъ, это ложь; я того
не говорилъ — Какъ! ты не изъ Вене-
ціи прѣхалъ? — Изъ Венеціи — Развѣ
не объявилъ ты, что имѣешь злые у-
мыслы? ... Нѣтъ, я на сіе не согла-
шусь, это нагло и безстыдно выду-

мано— И такъ не хочешь ты объявить правду? — Позвольте мнѣ сперва самихъ спросить васъ— Нѣтъ, этому не бывать: ты не принудишь насъ отвѣчать тебѣ.— Нѣтъ, изволька скорѣе отвѣчать самъ.— Основательная причина, подумалъ я! дайше мнѣ выговоришь одно слово, сказалъ я, вздохнувъ — Говори— По какимъ причинамъ держите вы меня въ Басшиліи?— Судья пошелъ сидящему у него на правой сторонѣ человѣку и потомъ такъ мнѣ отвѣчалъ: ты шпионъ! — Небо призываю во свидѣтельство, вскричалъ я, что это не правда— Почемужъ неправда? — Я докажу вамъ— Посмотримъ, сказалъ Судья, коварно улыбувшись— Видя ясно невинность мою касательно такого обвиненія, рѣшился объявить настоящее преступленіе мое; и такъ съ твердостью и равнодушіемъ снесъ насмѣшку Судьи и рассказалъ со всѣми подробностями несчастной случай мой, также и причину моего въ Парижѣ пребыванія.— Хорошо, сказалъ мнѣ Судья, хорошо, мы просвѣдомимся о точности рассказовъ твоихъ — Потомъ далъ онъ знакъ рукою солдатамъ, меня приведшимъ, и я ошведенъ былъ въ шюрму мою.

По испеченіи осьми мѣсяцовъ по-
 требовали меня въ прѣшей разѣ въ Су-
 дѣйскую. При семъ разѣ, сказалъ Судья
 мнѣ : я всѣ упошреблялъ способы оп-
 крыть иешинну; но вижу, что все по-
 бою объявленное при двукрашломъ до-
 просѣ походитъ на нелѣпую баснь: ты
 ее выдумалъ, или наученъ опъ того
 правления, котораго ты лазушчикъ.
 Признайся скорѣе; а не то погибнешь
 — Подумай: вошь тебѣ два дни, рѣши
 участь свою! — Не опвѣчая ни одина-
 го слова, я бросился къ ногамъ Судей
 моихъ, и самыми убѣдительнѣйшими
 словами увѣрялъ о своей невинности;
 они съ холоднымъ равнодушіемъ слу-
 шали слова мои, потому что участь
 моя въ глазахъ ихъ была уже рѣшена;
 тщетно повпорялъ я о своей невин-
 ности такимъ людямъ, которые каза-
 лись глухими — Гласъ сострадательности
 не касался до окаменѣлаго сердца
 ихъ! — Пришедши въ шюръму, бросил-
 ся на матрасъ; между всѣми гореспя-
 ми, которыми былъ сраженъ, одна
 шолько м. слъ заставляла меня съ нѣ-
 которыми спокойствіемъ взирать на
 жестокою участь мою! — Сіе варвар-
 ское со мною обращеніе, думалъ я, поч-
 тено будешъ въ глазахъ того Вышняго

Существа, Которому извѣстны тайны-
 снывенныя расположенія наши, достой-
 нымъ за преступленіе мое наказаніе-
 емъ: я пролилъ въ ролю мою рукою мо-
 ею кровь невиннаго челоука! — Ахъ!
 пустьъ кровопійцы мои сосушь кровь
 изъ груди моей! . . . Утромъ того дня,
 въ которой долженствовала рѣшиться
 участь моя, меня отвели въ четвертой
 разъ въ Судѣйскую: хочешь ли ты при-
 знаешься въ преступленіи твоёмъ?
 спросилъ меня Судья — Снова повто-
 рялъ я увѣренія о моей невинности,
 призывалъ Бога въ свидѣтельство; про-
 силъ, заклиналъ освободить меня отъ
 мучительства; но увы! — ни увѣре-
 нія, ни просьбы мои не подѣйствова-
 ли: все осмалось тщетнымъ! — Поша-
 щили меня въ шпъ земной шартаръ,
 гдѣ демоны въ челоуцескомъ образѣ у-
 шѣшася, свершающъ жестокия варвар-
 ства! — Множество орудій, потреб-
 ныхъ къ адской пышкѣ, которыхъ у-
 употребленіе долженъ я былъ скоро по-
 знашь, висѣли на стѣнахъ и лежали на
 полу, съ одной стороны видѣнь былъ
 страшной огонь, которой, не смотря
 на зной сто, два челоука . . . нѣшь.—
 нѣшь, два чудовища разводили болѣе и
 болѣе. Признайся, признайся, швердили

мнѣ ежеминушно, пока еще не поздно!—
Въ чемъ признашься мнѣ, кричалъ я?—
Гдѣ пресшупленіе мое? . . .

Меня посадили въ круглыя железныя
креслы, прижали голову къ заднику
оного; обнажили ноги и грудь, привя-
завъ крѣпко на крѣпко къ креслу, под-
вигали оныя къ огню до шѣхъ поръ,
пока обнаженные части шѣла моего
сшало очень жечь; а между шѣмъ ка-
пали мнѣ на голову одну за одной ка-
пли холодной воды. Скоро мученія мои
сдѣлаались мнѣ нестерпимыми, я испу-
скалъ ужасный стонъ; Судья подошелъ
ко мнѣ: признайся, во всемъ чистосер-
дечно, говорилъ онъ, и мученія твои
кончатся. — Ахъ! какіебъ способы не
употребилъ я для прекращенія адской
пышки; но думалъ, какъ признашься
мнѣ въ такомъ пресшупленіи, кошора-
го не знаю?—Также предполагалъ, что
такое признаніе увеличитъ пышку,
для узнанія другихъ сокровенностей!—
Черезъ четверть часа мученія мои сдѣ-
лались гораздо больше: умершвише ме-
ня скорѣе, кричалъ я варварамъ мо-
имъ; руки мои и ноги были связаны,
я шакъ крѣпко прикусилъ языкъ зуба-
ми, что изъ него ручьемъ текла кровь,
и запекалась ошъ жару на груди— Ошъ

того же жару глаза мои выступали изъ мѣстѣ своихъ съ ужаснѣйшею болью. -- Счастливы смертные, что слабыя силы ихъ не могутъ переносить долго толикихъ мученій. Лѣкарь Баспили, бывшій при мнѣ для того, чтобъ ска- зать пиранамъ моимъ, когда мученія ихъ будутъ превышать силы мои, приказалъ постепенно удалять меня отъ огня и перестать капать воду мнѣ на голову; лишь только оподвинули меня на нѣсколько шаговъ отъ огня ис- пощенныя силы мои совсѣмъ меня оста- вили, и я, будучи еще привязанъ къ желѣзному креслу, упалъ въ обморокъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

„Всякое мученіе имѣетъ двадцать призраковъ подобныхъ! — Глазъ печали, слезами ослѣпленной, раз- дробляетъ и умножаетъ вдругъ предметы! — Кто не знаетъ шѣхъ преспективъ, прямой видъ ко- торыхъ представляетъ смѣшен- ные и разбросанныя черты? — Посмотри же на нихъ съ бою, и

увидишь всю правильность, все совершенство ! . . .

Шекспиръ.

Пришедши въ чувство, увидѣлъ себя лежащаго на матрасъ своемъ и покрышаго одѣяломъ— Лишь только открылъ я глаза, лѣкарь поднесъ мнѣ рюмку вина: это была первая съ шѣхъ поръ, какъ находился въ Баспильи. — Посѣщеніе лѣкаря продолжалось нѣсколько дней: будучи молодъ и крѣпкаго сложенія, чрезъ мѣсяцъ я совсѣмъ выздоровѣлъ; одни глаза мои болѣли такъ, что не могъ сносить огня. — Въ печеніи шести мѣсяцовъ ни разу не водили меня прогуливать на площадку, какъ бывало прежде. День проходилъ за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцомъ; можетъ быть почтено, думалъ я, за признакъ моей невинности мученія, мною вытерпѣнныя; но такъ какъ меня все еще держали въ шюрмѣ, я спрашивался новой пышки! — Теперь я буду говорить о такомъ обстоятельстве, которое шебѣ, дочь моя, покажешь малозанимательнымъ; но никогда безъ соболѣзнованія и особеннаго чувствованія, смѣшаннаго съ восторгомъ и печалью, не вспоминаю я объ немъ. — Прошелъ годъ, я все былъ

въ Бастилли, какъ однимъ упрямъ, когда окошко шюрмы моей было распворено для продуванія чистаго воздуха, пробившись между ошверсшями рѣшешки желѣзной окошка шюрмы моей влешѣлъ ко мнѣ воробей; онъ сѣлъ на столикъ и началъ клевашь кусокъ хлѣба, кошорой только что мнѣ принесли. — Я подходилъ къ нему по ближе дабы лучше разсмошрѣшь его; ибо въ горестномъ положеніи моемъ все то, что занимало кошя не много вниманіе мое, доставляло мнѣ мгновенное блаженство. — Примѣшя, что онъ меня увидѣлъ, я оштановился, боясь испугать его; однакожъ хлѣбъ удерживалъ милую пшичку, и къ вящшему удовольствію моему онъ все клевалъ — Перья его были шероховаты и щетинисты, все показывало, что онъ много претерпѣлъ отъ непосоянства осени и жестокости зимы; тогда морозило очень, и уже давно земля покрылась пушистымъ и глубокимъ снѣгомъ; отъ того то думалъ я, нѣжной воробей такъ охотно клевалъ хлѣбъ мой! — Сожалѣя о претерпѣнномъ имъ мученіи, восхищался вмѣстѣ съ нимъ, когда нашелъ онъ себѣ пищу. Несчастливая пшичка! вскричалъ я, ешьли ты будешь

впрѣдѣ угрожаема голодомъ и холодомъ; то прилети сюда къ огорченному невольнику: онъ приголубитъ тебя, доброе сердце его скалится надъ участью твоею; но можешь быть того сдѣлать тебѣ не лзя? — Можешь быть ты погибнешь безъ пищи, которую бы всегда имѣлъ, оставшись здѣсь? — Ахъ! для чего не могъ онъ понимать меня? — Будучи до чрезвычайности распротанъ, я не могу тебѣ изъяснить, дочь моя, чувства мои при семъ случаѣ; я подошелъ поближе къ столу: воробей или довольно наѣлся или испугался отъ приближенія моего, вспорхнулъ, пролетѣлъ два или три раза вокругъ комнашы, какъ бы искалъ того отверстія, въ которое влетѣлъ и наконецъ нашедши оное, скрылся вмигъ. — Онъ улетѣлъ! — вскричалъ я, никогда не прилетишь назадъ! — Никогда! — Опять будешь терпѣть нужду, помнешься отъ голода, дрожать отъ стужи! — Однакожь у него осталось утѣшеніе — безцѣнная свобода! — Могутъ ли всѣ мученія жизни нашей сравниться съ тѣмъ мученіемъ, когда опныша свобода; когда тяжкими цѣпями окованныя руки невольника по одному приспращаютъ или прихожи верховнаго Судьи

не могутъ простерты бытъ къ Вышнему Существу для испрошенія конца мучительныхъ пытокъ! — Но ты, милая пшичка, лешала бы свободно здѣсь въ комнашѣ — въ шюрѣмѣ моей, не на чистомъ воздухѣ! — Ахъ! воробей хорошо сдѣлалъ; онъ улешѣлъ, чшобъ не бытъ въ зашоченіи; я согласенъ съ нимъ: лучше свобода хощя въ нуждѣ, чемъ неволя во изобиліи! — На другой день по ушру къ большому удивленію моему и удовольствію воробей опять прилешѣлъ; я кинулъ ему кусочикъ хлѣба, онъ клевалъ его — прыгалъ по полу, вспорхнулъ на столъ — полешалъ по комнашѣ и по прежнему скрылся... -- Всякое утро прилешалъ ко мнѣ воробей, онъ восхищалъ уединеніе мое; большое удовольствіе находилъ я ожидать прилеша его — Всегда давалъ ему клевать хлѣба, упошребляя всевозможные способы перемѣнить дичливость его, и уже мысленно восхищался, чшо безъ сшраха милая пшичка могла видѣшь меня; ибо по нѣскольку часовъ бывала близъ постели моей — Но увы! прошла весна; маленькой дружокъ мой, будучи похожъ на людей нынѣшняго вѣка, позабылъ шого, кошорой помогъ ему въ нуждѣ и ни разу не посѣшилъ

уединеннаго благодѣшеля своего!— Прешла весна; настало лѣто; быстро и оно пролетѣло— Припащилась на крылахъ борея осень, попомъ и зима.— Я думалъ, что съ милою пшичкою случилась какая бѣда; или убиша хищною рукою пшицелова — или съ голоду погибла; а можетъ быть, продолжалъ я, вздохнувши, можетъ быть позабыла пушь къ тому мѣсту, гдѣ подали ей руку помощи!...

Оборотимся къ заключенію моему: шираны мои долго молчали — Все въ шюрмѣ — да, въ шюрмѣ, я уже начиналъ страшиться не навѣкъ ли мой засадили меня въ Басшилію!— Въ одинъ зимней день по утру, когда еще лежалъ я на ветхомъ пуховикѣ моемъ, и будучи по обыкновенію углубленъ въ мечшательныя размышленія, услышалъ вдругъшорохъ производящій отъ пшичьихъ крыльевъ; посмошрѣлъ въ ту сторону, откуда произшекалъ помянушой шорохъ — увидѣлъ — на столѣ сидящаго воробья, котораго почиталъ я погибшимъ — Незвѣяснимое почвешвовалъ я удовольствіе, кинулъ ему кусочикъ хлѣба; онъ вспорхнулъ — подлѣтѣлъ къ хлѣбу и принялся клевать его. — Ахъ! мыъ казалось, что и онъ

былъ восхищенъ возобновленіемъ знакомства нашего! — Во всю зиму продолжалъ онъ свои посѣщенія, такъ точно, какъ и прошедшій годъ; я ошломилъ брусокъ дерева отъ столика моего; прекрѣпилъ оной въ одномъ углу между двухъ спѣнъ; иногда воробей ночевалъ со мною; также не рѣдко дней по пяти сряду жила въ у меня — Лишенный всякаго сообщенія съ подобными мнѣ твореніями, я находилъ большое удовольствіе въ частыхъ посѣщеніяхъ милой ппички. — Ахъ! приголубивая ее, я забывалъ и бѣдствія свои и жестокосердіе людей! Весною прекратились посѣщенія воробья, пришла зима и онъ опять прилетѣлъ; такимъ образомъ современи перваго прилета его протекло шесть лѣтъ, и онъ продолжалъ все бытъ моимъ зимнимъ товарищемъ! — Въ половинѣ седьмой зимы однажды, какъ сидя на своей жердочкѣ, завернувши носочикъ свой въ крылья, покойно спалъ онъ, вошелъ шюремщикъ съ завтракомъ моимъ; онъ примѣшилъ воробья и прежде нежели я успѣлъ ошановишь хищную руку его, онъ свернулъ голову бѣдной ппичкѣ! — сердечному другу моему — другу въ Батшаліи! — Я готовился осыпашъ уку-

ризнами шюремщика; но размысля, что шѣмъ лишь болѣе раздражу такого человѣка, которой до такой степени былъ злобенъ, что беззащитнаго человѣка лишилъ единственнаго утѣшенія и отрады; и такъ удовольствовался только прозьбою оставить мнѣ хотя шрупъ мертвой пшички — Этому не бывашь, вскричалъ шюремщикъ и кинулъ шрупъ за окошко; но въ рѣшетку не попалъ — Я бросился схватишь упавшій на полъ шрупъ; но шюремщикъ схватя его прежде меня, кинулъ опять за окошко и въ сей разъ былъ удачнѣе перваго — Мнѣ даже не оставалось и того утѣшенія, чтобъ воздвигнувши памятникъ надъ прахомъ несчастнаго друга моего, могъ я пролить слезу соболѣзнованія! — Тюремщикъ ушелъ — Я подставилъ стулъ къ окошку, спалъ на оное въ надеждѣ, что можешъ найду шрупъ за окошкомъ или хоть издали въ послѣдней разъ на него посмошрю: щещная надежда! — Сошедши со стула споялъ среди шюрьмы моей и сложя крестообразно руки, въ мысляхъ своихъ сравнивалъ я положеніе мое съ участью злобною пшички, которую оплакивалъ — Долго думалъ, шерялся въ лабиринщѣ предположеній и наконецъ

со вздохомъ заключилъ сужденіе мое
сими словами: все воробей счастливѣе
меня ! . . .

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

„Какой шюремщикъ челоѵколю-
бивъ? — „

Шекспиръ.

Прошелъ еще годъ моего заключе-
нія ! — Уже 10 лѣтъ содержался я въ
Басшили — Привычка сдѣлала образъ
погдашней жизни моей для меня опа-
снымъ: одинакое содержаніе, одинакая
пища (только иногда прибавляли мнѣ
къ хлѣбу и водѣ вино и молоко) под-
крѣпляли здоровье мое — Однакожъ очень
рѣдко спали водить меня на площад-
ку. — Спустия нѣсколько времени чело-
вѣкъ, котораго еще я не видывалъ, при-
несъ мнѣ въ первой разъ пищу мою вмѣ-
сто прежняго шюремщика. Онъ пока-
зался мнѣ не старѣе 25 лѣтъ, сред-
няго росту, грубаго сложенія, но при-
ятн го вида, нимало не сходящвеннаго
съ должностью его — Нѣсколько дней
молчалъ я; но видя, что не пересша-

валъ онъ ходишь ко мнѣ ободрился я наружностью его и спросилъ: не уже ли прежней шюремщикъ умеръ? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ и скоро удалился, какъ такой человекъ, которой боялся лишняго сказать; однакожъ можно было примѣтитъ, что съ неудовольствиемъ сокращалъ онъ разговоръ нашъ. — Тщешно спарадся завѣсти я его въ дальнѣйшія объясненія; я всегда получалъ въ отвѣтъ: да, нѣтъ и больше ничего — Однажды на вопросъ мой: на вѣчно ли я заключенъ? — онъ посмотрѣлъ на дверь, чтобъ увѣришься не примѣчаешь ли кто за нимъ и потомъ шепнулъ мнѣ слабымъ и прерывающимся отъ страха голосомъ: не спрашивайте меня болѣе ни о чемъ, только положишь на друга своего! — Сказавъ сіе, скорѣе обыкновеннаго скрылся онъ — Это былъ первой лучъ надежды, которой послѣ десятилѣтняго спраданія моего озарилъ разумъ мой. — Въ продолженіи пяти мѣсяцовъ молодой шюремщикъ посѣщалъ меня каждой день по два раза; всѣ дѣйствія новаго друга моего заспаляя меня судишь, что еще не нашель онъ способа и случая болѣе со мною объясниться; ибо всегда съ крайнею поспѣшностью удалялся изъ шюръ-

мы моей — Иногда даже ни разу не взглядывалъ на меня; ахъ! — онъ зналъ что такой взоръ могъ успокоить мою недовѣрчивость и ободрить надежду сираждущаго сердца моего! — Однимъ днемъ ввечеру, поставивши ужинъ мой на столъ, онъ сказалъ мнѣ тихимъ голосомъ съ большимъ замѣшательствомъ: не спите нынѣшнюю ночь — Я съ радостью согласился на такое предложение и нешерпѣливо дожидался того часа, въ которой все должно объясниться. — Стѣнные Басильскія часы пробили два часа за полночь, какъ услышалъ я, что кто то спучался въ желѣзную рѣшетку окна тюрьмы моей — Помомъ скоро тихій голосъ новаго друга моего кричалъ: эй, сударь — сударь! — Я спѣшилъ приставить стулъ къ окошку и взойти на оной — Онъ же продолжалъ: есшьли удастся мнѣ избавить васъ изъ Басилии и государства, возьмете ли вы меня во услужение къ себѣ? — Скажи лучше въ друзья? — Обѣщайтесь лишь только прокормить меня, чшобъ во услуженіи вашемъ не умеръ я съ голоду, сударь — Нѣшь, божусь себѣ небомъ, вскричалъ я — божусь всѣмъ, что ты будешь мнѣ другомъ и будешь доволенъ — Ахъ! я

и забылъ въ еѳю минушу, что самъ не имѣлъ способа прокормиться— Довольно, ошвѣчалъ другъ мой, только прошу васъ для спасенія вашего не отказываться пишь всего того, что дадутъ вамъ; а во всемъ прочемъ положишься на меня!— Не отказываться пишь, повторялъ я въ мысляхъ своихъ— Другъ мой уже ушелъ, я споялъ нѣсколько времени у окна; но онъ не возвращался— По всюду царшвовала пищина!— Я сошелъ со стула, и бросившись на пуховикъ, разбиралъ въ воображеніи моемъ слова молодого тюремщика и неизаче полагалъ, какъ то, что хотяшъ меня опоить ядомъ. — На завтра поушру очень рано дверь тюрьмы моей расшворилась и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ монаха, онъ велѣлъ мнѣ сшашъ на колѣни подѣ себя и сдѣлавши маленькое крашкое предисловіе о томъ, чтобъ съ мужесшвомъ перенесъ я опредѣленіе судьбы моей, которое онъ назначенъ объявить мнѣ. Ты осужденъ на смерть, продолжалъ онъ. — Нѣсколько часовъ прежде принялъ бы я сіе осужденіе, какъ наивеличайшее блаженшво небесъ: но имѣя ввиду надежду освободиться, хошя и былъ я пригошвленъ ко всему словами друга моего, однакожъ

кто бы не содрогнулся при такомъ случаѣ? — Кто пожелаетъ умереть на эшафотѣ отъ руки палача? ... Тебѣ надобно исповѣдываться, говорилъ монахъ, видя мое опчаяніе. Будучи удаленъ отъ свѣща, я не могъ надѣлать много зла, и такъ исповѣдь моя продолжалась не долго — Монахъ слушалъ грѣхи мои, молился обо мнѣ нѣсколько часовъ, потомъ поставивъ на колѣни, благословилъ меня и ушелъ. — По уходѣ монаха пришелъ надзиратель съ двумя солдатами и молодымъ шюрежникомъ — новымъ другомъ моимъ. — По приказанію надзирателя молодой человѣкъ налилъ изъ скляночки, которую держалъ въ рукѣ, черную жидкость въ маленькую чашечку. Надзиратель взялъ чашечку, подалъ ее мнѣ и приказывалъ выпить — Я было прошивился; но солдаты, приставивши къ груди моей шпыки, принудили меня сдѣлать самому надъ собою усиліе, и я выпилъ поданной мнѣ напитокъ. Чашечка выпала изъ рукъ моихъ, я искалъ глазами друга моего; но его уже не было при мнѣ. — Надзиратель далъ знакъ солдатамъ за нимъ слѣдовать; они всѣ вмѣстѣ удалились. — Какая минута ужаса! — Я не зналъ, ядъ ли, или иное

что выпилъ! — Съ одной стороны мучительная смерть представлялась глазамъ моимъ; а съ другой я содрагался, помышляя объ участи друга моего, есѣли обманъ его обнаружится — Спусти часъ я начиналъ чувствовать ужасное расслабленіе; легши на пуховикъ и завернувшись въ одѣяло, воображалъ, что все кончилось; но скоро началось замерзаніе крови въ жилахъ моихъ! — Крупныя капли хладнаго пота лились съ блѣднаго чела моего! — Тщешны были усилія мои — глаза сомкнулись, и спустя два часа послѣ надзирашельскаго прихода, я заснулъ смертнымъ сномъ! . . . ,,

Графъ Бирофъ располагался продолжать повѣствованіе свое, какъ вдругъ старой паспухъ, вбѣжавши, уведомилъ его, что два человека, увидѣвши лошадь Графскую въ конюшнѣ, узнали оную по своимъ примѣнамъ и просили непремѣннаго позволенія взойти въ избушку, чѣобъ повидаться съ шѣмъ, кому принадлежитъ помянутая лошадь; сынъ мой, прибавилъ онъ, не пускаетъ ихъ къ вамъ. — Графъ взглянулъ на дочь свою, не говоря ни слова; смущеніе его было безмѣрно — Лореша затрепешала, бросилась въ объятія отца своего — Въ

самое сіе мгновеніе услышали они явственно въ ближней комнаѣ голосъ Теодоровъ и Кроонзера. Графъ Бирофъ вскочилъ , и выхватя кинжалъ свой , бросился къ нимъ на встрѣчу; Теодоръ показался первой , Графъ кинулся на него — Кавалеръ ошпапнулся и Графъ съ сильнаго размаху упалъ. — Теодоръ спалъ ему ногою на грудь и выдернувъ саблю , называлъ Графа измѣнникомъ , бѣгледомъ, пошомъ осыпая его проклятіями , хотѣлъ убить— Лореша удержала мстительную руку Кавалера и бросившись на колѣни близъ лежащаго отца своего , кричала : рази , тиранъ ! рази въ грудь мою; но пощади отца моего! — Прозьбы Лорешы и усилія Графа Бирофа удостовѣрили Теодора въ истиннѣ, что мнимый Ральбергъ былъ точно ошецъ Лорешинъ. Пораженный удивленіемъ онъ впалъ въ глубокую задумчивость — Графъ Бирофъ то примѣшилъ и употребилъ въ свою пользу такой случай: онъ сдѣлалъ такое усиліе, котораго Теодоръ никакъ не ожидалъ , вскочилъ , выхватя шпагу изъ рукъ преслѣдовавшаго своего. — Кроонзеръ , выхватя свою шпагу , представился къ защитѣ. — Лореша, пораженная такою неожиданностію , бѣжитъ

изъ хижины, прося вспоможенія ошу
 свсему. Теодоръ бѣжашъ за нею — Ло-
 реща скоро возчувствовала гибель свою,
 увидя себя столь близко преслѣдуемую
 такимъ человѣкомъ, кошорого болѣе все-
 го страшилаеь. Къ счастію ея примѣ-
 шила она молодого пасуха, споящаго
 близъ дверей хижины. Спаси несчаст-
 ную, кричала она ему, ошъ алчнаго пи-
 тра! — Бога ради, спаси меня! — Мо-
 лодой человѣкъ держалъ еще въ рукахъ
 ту дубинку, кошорою воспрещалъ Те-
 одору и сообщнику его войти въ хи-
 жину; онъ не могъ сще опомниться
 ошъ такой шревоги. — Но будучи про-
 нуть жалобнымъ стономъ Лорешы, бро-
 сился съ дубинкою къ Теодору, какъ
 отчаянной человѣкъ, рѣшившійся уме-
 реть или побѣдишь. — Нѣсколько ча-
 совъ продолжалась битва съ равнымъ
 съ обѣихъ сторонъ успѣхомъ; но ско-
 ро силы Кавалера одержали верьхъ надъ
 прошивникомъ его — Лореша, увидѣвши
 падшаго жалоспливаго пасуха, про-
 изнесла ужасный вопль и стонъ, и соби-
 ралась бѣжашъ; но силы ей измѣнили
 и она упала безъ чувствъ на землю! —

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

„О услажденіе души моей! — О во-
 „спорть! — Супругъ мой! — Ру-
 „ка моя еще ощущаетъ трепе-
 „шаніе сердца его; еще разъ при-
 „жимаю я его къ спрасной тру-
 „ди моей! — Пади въ ошверспыя
 „объяспія нѣжной супруги! — Ахъ!
 „— я изнемотаю подъ бремнемъ
 „благополучія моего! — „
 „Небесное блаженство! — Драгоцен-
 „ность души моей! — Спрасная
 „горлица, много оплакиваемая! —
 „Пади въ объяспія мои: да ошзы-
 „вается біеніе сердца швоего во
 „глубинѣ моего сердца! — Душа
 „моя летитъ во срѣшеніе тебѣ!
 „— Злымъ рокомъ ли гонимъ? —
 „дѣйсствіяль шерплю? — Онѣ за-
 „бышы, истреблены изъ вообра-
 „женія моего! — Кто благополуч-
 „нѣе меня? — „

Графъ д'Эссекъ.

Пламенный поцѣлуй, запечатлѣвшій-
 ся на хладныхъ ланипахъ Лорешиныхъ,
 возвратилъ ей жизнь; она открыла
 глаза; но великій Боже! — Какой во-
 шпорть! — Альфонзъ, возлюбленный

Альфонзъ оживилъ се симъ поцѣлуемъ; онъ споялъ передъ нею. — Объята будучи сею радостью, Лорета лобызаетъ супруга своего, бѣжитъ къ отцу своему; бросается въ объятія его и потомъ возвращаешь къ Альфонзу. — Послѣ взаимныхъ воспорговъ, Лорета извѣстила Альфонза, что Графъ Бирофъ былъ онецъ ея; а сей послѣдней увѣдомилъ дочь свою о всемъ происшедшемъ послѣ обморока ея: мы были въ избушкѣ, говорилъ онъ; Кроонзеръ скрылся бѣгствомъ; Теодоръ же убишь мужемъ своимъ опнятною имъ у него дубинкою. — Альфонзъ съ своей спорны увѣдомилъ Лорету, какимъ образомъ сіе самое ушрѣ уѣхалъ онъ изъ замка Барона де Смальдарша и благополучнымъ случаемъ очутился близъ нее въ самое то мгновѣніе, когда готовилась она бышь добычею неисповаго Теодора! — Лорета все еще не вѣря глазамъ своимъ, прижалась къ избавителю своему, которой оборотясь къ Графу Бирофу, заклиная васъ, сказалъ онъ ему, присовѣщываешь мнѣ, куда долженъ я ѣхать, и что долженъ дѣлать? — Кто воспрещаетъ тебѣ возвратиться въ мирный рыбацкій шалаишъ? — Бы хотишь, чтобъ я видѣлъ Барона де Смаль-

дарша? . . . Ахъ! я стараюсь избѣжать такого свиданія. — Для чего же? — спросилъ Графъ Бирофъ: развѣ страшитесь вы, или думаете, что законы не защитятъ васъ прошиву него? — Нѣтъ, совсѣмъ не то: свободно бы предсталъ я предъ нимъ, естлибъ законы меня осуждали въ пресупленіи моемъ; но признаюсь вамъ, я не могу видѣть такого человѣка, котораго столько огорчилъ; онъ любилъ Теодора, какъ нѣжной родитель, такъ не естественна ли ненависть его къ убійцѣ его? — Чтобъ загладить пресупокъ мой, надлежитъ просить у него прощенья; но посудите сами, могу ли унизиться до такой степени. Я чувствую горестъ Барона съ истиннымъ соболѣзнованіемъ; но благодаренія, которыми онъ меня осыпалъ, заграждаютъ мнѣ путь къ нему — Кто увѣритъ меня, что онъ не сочтетъ прїездъ мой надменнымъ самолюбіемъ? — Нѣтъ! — Нѣтъ, я долженъ искать убѣжище не въ окрестностяхъ Смальдарскаго замка; тамъ, въ мирномъ жилищѣ моемъ не буду ежедневно возобновлять скорбное отчаяніе благошворителя моего! — Я совѣтую вамъ, подхватилъ Графъ Бирофъ, скорѣе удалишься изъ сей части Гер-

маніи; ибо будучи узнаны, какъ вы, такъ и я Кроонзеромъ, можемъ здѣсь подвергнуться опасности: еслилибъ вы намъ ревались возвратиться въ шалашъ свой, то бы съ сердечнымъ прискорбіемъ долженъ былъ распашься съ дочерью моею; но вы въ него не пойдете, следовательно ничто меня не раздѣлишь съ вами, любезныя дѣши!...

Счастье Лорешы было всегда единственнымъ предметомъ нежнаго Альфонза; онъ предвидѣлъ, что разлука съ отцемъ причинила бы ей величайшую горестъ; и такъ носилъ въ себѣ увѣреніе о намѣреніи своемъ жить неразлучно съ Графомъ Бирофомъ, и на все то рѣшился, что будетъ нужно къ безопасности его. — Слова сіи влили цѣлительный бальзамъ въ расстроенную душу огорченной Лорешы. — Онѣ ободрили также и Графа, который предложилъ скорой отъѣздъ. — Старой насупухъ приготовилъ лошадей, Графъ щедро наградилъ его, и по прозвѣ Альфонза приказалъ ему послать нарочнаго въ замокъ Барона де Смальдарта съ подробнымъ извѣщеніемъ всего случившагося; потомъ они поѣхали, держась по совѣту Графа все къ сѣверу въ первой день путешествія своего; они

останавливались только на нужное для лошадей время. Подъ вечеръ доѣхали они къ одному поселяному двору, и Графъ увѣрился, что вся опасность его миновалась. — Какъ скоро остались они одни въ особенной поселяного двора комнаѣ, Лорета просила отца своего докончить повѣствованіе о злополучной жизни его. — Дочь моя! отвѣчалъ Графъ Бирофъ, я воображаю всю силу любопытства твоего; но другое важнѣйшее побужденіе прешитъ мнѣ удовлетворить оному: надобно подумашъ о будущемъ — случившемся же сомною ты скоро узнаешь. — Сдѣлали ли вы, продолжалъ онъ, оборотясь къ Альфонзу, какой планъ на предбудущее время? — Нѣтъ — Вы однако же были задумчивы во время нашего путешествія, и я думалъ... Правда, я былъ задумчивъ; но... — Объяснитесь — Я боюсь, чтобъ вы положенія мои не отвергли; но напередъ увѣряю васъ, что ничего не произведу я въ дѣйство безъ совѣта вашего и Лореты — Продолжайте — Лорета конечно извѣстила васъ о томъ ужасномъ и шамисвенномъ случаѣ, которой... Знаю все, подхватилъ Графъ — И такъ знайте и то, что я спокойно не умру, пока

сія шайна, дѣлающая меня побродягою, не откроешь : ежечасно вижу я окровавленные руки. . . — ежеминушно слышу разительный гласъ — гласъ, меня изгоняющій. . . Я хощѣлъ торжесшествовать надъ самимъ собою, хощѣлъ усилями превозмочь самое ещесшество: щещельное усилие ! — бесполезное намѣреніе! — Безъ покрова, безъ того Ангела хранителя, кошорой смягчаешь участь злосчастливаго — спомомъ моимъ наполнялся бы свѣтъ! — Не лучше ли положишь предѣлъ шополикимъ скорбьямъ, также неизвѣстности ; прѣѣхавъ къ окрестностямъ Когенбургскаго замка открою я все — Тамъ удосповѣрюсь, навѣчно ли изгнанъ изъ жилища праотцевъ моихъ ! — Я согласенъ на положеніе ваше и съ истиннымъ желаніемъ желаю вамъ счастливаго исполненія и удачнаго окончанія. — Но кто объявишь тебѣ, подхватила Лорета, истинну? — Тайншвеннымъ неведѣніемъ покрыты всѣ сосѣди Когенбургскаго замка, иначебъ молодой работникъ въ рудокопѣ, сынъ облагодѣшельствованнаго отцемъ швоимъ челоуѣка, конечно зналъ бы всѣ подробности. Дядя швой, по словамъ его, уѣхалъ изъ отечества своего ; никшо не

знаешь, что съ нимъ случилось; а мать твоя умерла. — Такъ, Лорета, ты права: онъ много болшалъ пуспова; но замокъ споишь пуспой, говорилъ онъ, въ эпомъ какъ ему ошибиться — И такъ поѣхъ шайно замокъ, кого могу тѣмъ оскорбишь? — Тайну хранить я умѣю — Ахъ! самъ не знаю, отъ чего съ нѣ котораго времени я мучусь нестерпиво бышь въ замкѣ? — Вы твердо въ шомъ стоите, спросилъ Графъ Бирофъ? — Естлибъ имѣлъ сполько денегъ, чемъ бы содержать себя могъ во время дороги; о согласіи же вашемъ и Лореты я ни малаго сомнѣнія не имѣю — У меня есть деньги, такъ все равно, подхватилъ Графъ Бирофъ — И такъ завпра же поушру, вскричалъ Альфонзъ, поѣдемъ мы къ шому мѣсту, гдѣ я родился. — Вечеромъ размышляли они, по какой дорогѣ имъ ѣхать; условясь наконецъ, разошлись они опдыхать. — Съ первыми лучами дневнаго свѣша вскочилъ Альфонзъ; ибо будучи занявъ важнымъ предпріятіемъ своимъ, очень мало спалъ ночью; онъ разбудилъ товарища своего, которой не заставилъ долго себя ждать, и уже восходящее солнце настигло Графа съ дочерью и съ зятемъ въ пуши. — Тогда Графъ Бирофъ,

для удовольстворенія Альфонзова и Лорешинаго любопытства началъ продолжая приключенія жизни своей : напишокъ , мною вышитой , говорилъ онъ , было крѣпкое усыпленіе ; когда же пришель я въ себя , то первой предметъ , представившійся глазамъ моимъ , былъ черной челоуѣкъ , сидящій подлѣ меня въ сухомъ , но глубокомъ рву — Отъ шемношы я не могъ никакъ распознать чершы лица его , и до шѣхъ поръ , пока онъ молчалъ , мнѣ не представлялось , чтобы то былъ въ маранной другъ мой ; узнавши его , я пораженъ спалъ удивленіемъ . — Ахъ ! сударь , вскричалъ онъ въ самое то мгновеніе , когда въ первой разъ открылъ я глаза , какъ я радъ , что вы проснулись ; знайте , мы ужъ не въ Бастиліи . — Чпожъ вы шакъ ошолбенѣли ? развѣ вы меня не узнаете ? — Ахъ ! сударь , я вѣроной вашъ Яковъ . . . Просни меня , я самъ себя не узнаю — (ибо былъ я наряженъ женщиною) — Не думайте ни объ чемъ , успокойтесь : нарядъ сей ошгонитъ любопытствующихъ , и мы будемъ безопасны во время пущешествія нашего ; но сперва , сударь , выпейте не много вина , и покушайте хлѣба — Потомъ вынулъ онъ изъ кармана склянку съ виномъ и ку-

«ОКЪ хлѣба— Вы давно не ѣли, примолвилъ онъ, и можете ослабѣть; я исполнилъ съ радостью предложеніе его. — Слава Богу, продолжалъ Яковъ, слава Богу, мы уже не въ Баспильи!— Какъ не уже ли и ты былъ заключенъ, спросилъ я? — О нѣтъ, сударь, я былъ на свободѣ; но свобода такая хуже иной неволи; спрадашь обо всѣхъ несчастныхъ, которыхъ я видѣлъ, вить это не шутка; но полно говоришь о томъ, думаю, что мы навсегда опшуда убрались; а не то будетъ намъ бѣда, какъ поймаютъ молодцовъ! — Другъ мой, скажи пожалуй, какъ мы опшуда убрались? — Вы все узнаете въ другое время; а не шеперь — Здѣсь могутъ насъ поделушиать; вамъ покорной слуга Яковъ Перлешъ скажетъ все вамъ, все, только въ другое время — Однакожъ, сударь, не называйте меня болѣе Яковомъ, дайте мнѣ другое имя, какоенибудь Арабское — Скорѣе, скорѣе назовите меня, какънибудь... Кейзаромъ— Хорошо, сударь; хорошо — шеперь помните, что вы жена моя; черты лица вашего довольно нѣжны, и васъ примутъ за женщину — впрочемъ положишесь на Яковъ... Ахъ! нѣтъ, сударь, я жѣстѣль скажу, на Кейзара..»

Мнѣ извѣстенъ здѣсь не подалеку отъ большой дороги маленькой постоялой дворъ: мы тамъ ночуемъ. — Идучи по дорогѣ далеко ли мы ошошли отъ Парижа, спросилъ я Якова? — На девять или на десять—Какъ бы намъ, продолжалъ я, вырваться изъ Франціи? — Тсъ! — Говорите по-иному, какъ бы кто не подслушалъ насъ; когда придемъ мы на ночлегъ, вы узнаете мысли мои.

Удержавъ любопытство свое, скоро увидѣлъ я, что мы пришли къ постоялому двору— По совѣту Якова попросилъ я подать намъ ужинъ и приготовить постель — Яковъ между тѣмъ говорилъ что-то съ бывшими тогда въ постояломъ дворѣ, принаравливаясь однако же къ дурному нарѣчію Арабовъ; мысленно восхищались мы, что выдумка наша была удачна.— Послѣ ужина, какъ спрашивные супруги удалились мы въ спальню, намъ отведенную. Я легъ на постель — Теперь вы все, сударь, узнаете, сказалъ мнѣ Яковъ, и сѣлъ на полу, облокотясь рукою объ кровать мою — Посудите, съ какимъ любопытствомъ желалъ я узнать, какимъ способомъ во время усыпленія моего избавленъ я отъ смерти— Прежде всего, сударь, продолжалъ Яковъ, надобно дать

вамъ понятіе обо мнѣ для того, чтобы вы лучше посудили о причинахъ, меня побудившихъ спасти васъ: отецъ мой былъ, сударь, честной чебошаръ въ предмѣстїи Святаго Антонїа; долго исправлялъ онъ очень хорошо дѣла свои; но и честныя люди бывають несчастливы: обстоятельство принудили его занять не много денегонокъ у сосѣдей своихъ для расходовъ во время болѣзни мапери моей. — Все бы сволна заплачено было, ешьлибъ онъ пожилъ; но ахъ! скоро, сударь, онъ умеръ оставя мнѣ — ничего; у меня оставался только дядя мой Перлетъ, старой тюремщикъ Бастили; да еще былъ у меня братъ, о которомъ давно ничего не слышали мы. — Ну, хорошо, сударь, по состоянію моему былъ я изрядно воспитанъ, и ешьлибъ не оставилъ мнѣ отецъ мой въ наслѣдство долги свои... (Ахъ! упаси меня Боже! — Иной злой человекъ подумаетъ, что я упрекаю его въ томъ; нѣтъ — нѣтъ, покойной мой баинюшка, это не правда) да бы ремесломъ своимъ имѣлъ насущный хлѣбъ; но кредиторы отца моего скоро попрехожили меня. Ты сынъ его и наслѣдникъ, говорили они: такъ долженъ деньги всѣ заплащать. — Помни-

довердуйше, государи мои! отвѣчалъ я
 имъ, гдѣ по наслѣдство, которое, го-
 ворите вы, получилъ я? — Гдѣ оно! —
 У меня нѣтъ ничего — Ты лжешь, по-
 давайка скорѣе деньги; пускава бо-
 лашь нечего; а не по засадимъ шебя
 въ шюрму... Такъ говорили алчные
 росповщики — говорили и хотѣли въ
 самомъ дѣлѣ засадишь меня. — Дядя
 мой, будучи отъ рожденія очень скупъ,
 не хотѣлъ разсцашься съ полновѣсными
 луидорами, которые накопилъ онъ въ
 Баспили, чпобъ заплашишь долги за
 роднаго брата своего; съ другой спо-
 роны не хотѣлось ему, чпобъ племян-
 ника его засадили въ шюрму, хошя
 самъ въ шюрмѣ же жилъ и по собствен-
 ной охотѣ своей; но обо мнѣ началъ
 думать. — Нѣсколько времени ломалъ
 онъ ученую свою голову и наконецъ для
 избавленія меня онъ задержанія креди-
 торами онца моего выдумалъ — По до-
 бродушію къ племянничку своему, взялъ
 его во услуженіе въ Баспилю, по ешь
 со временемъ хотѣлъ, чпобъ я былъ
 второй онъ, и чпобъ наконецъ досто-
 инство шюремщиковъ не выходило изъ
 роду Перленовъ: вопль планъ досто-
 наго дядюшки касательно избавленія
 моего. — Новое соспояніе мое мнѣ не-

правилось; но что дѣлать? пришло горе мыкашь. Лучше бытъ тюремщикомъ, думалъ я, чѣмъ умереть съ голоду, не такъ ли сударь? — Однакожь прошло два мѣсяца, и я все былъ въ Баспиліи; я согласился лучшебъ умереть, чѣмъ сполько времени пробытъ въ Баспиліи, въ семъ ужасномъ мѣстѣ: спрашныя вещи, много видѣныя, вопли — жалобы — шпионы, которыя слышалъ я. . . Ахъ! сударь, вся кровь моя засыхаетъ въ жилахъ, волосы становяшся дыбомъ; хладный потъ кашинся по ланитамъ моимъ отъ одного воображенія! — Баспилія, коликихъ тиранствъ ты адъ? — Я тяжко вздохнулъ — Конечно и вы сударь, спросилъ меня Яковъ, подверглись суровому, несправедливому жребію? — Такъ, другъ мой; но оставимъ такое горестное воспоминаніе! . . Нѣтъ, сударь, я того сдѣлать не могу — не могу изгнать изъ памяти моей все то, что тамъ видѣлъ; ешъли когда и грѣзь будущъ наполняшся такими мечпаніями, то и тогда я содрогнусь . . . Дядя мой, продолжалъ Яковъ, имѣлъ особливую горницу, въ которой мы съ нимъ сживали по вечерамъ; образъ спраждуиыхъ заключенныхъ представлялся воображенію моему; я не могъ вы-

терпѣшь, чтобъ не говорить съ дядею
 моимъ о участи ихъ: иные были осу-
 ждены на сожженіе, другіе на опоепіе
 ядомъ, а шѣ на умерщвленіе какимъ
 либо орудіемъ! . . . Всегда думалъ я объ
 участи шѣхъ шигровъ, которые мучашъ
 челоѵчество; шѣхъ бичей челоѵчече-
 ства, которые безъ содроганія осуж-
 даюшъ на казнь поносную невинныхъ!
 — Какъ? — Съ чѣмъ предстанушъ они
 на судъ Божій? — Однажды осмѣлился
 я урекнущъ дядю моего въ жестоко-
 сти, съ каковою онъ обращался съ за-
 ключенными! — Послушай, Яковъ, оп-
 вѣчалъ дядя мой, я люблю государя
 моего, и вбѣй себѣ въ голову, что ни-
 когда ласково не буду поступать съ
 шѣми, которые ему не благопріятствую-
 юшъ! — Но надобно имѣть челоѵчече-
 ство — совѣсть. — Челоѵчество! —
 Ахъ! глупинькѣй, развѣ ты не знаешь,
 что государь въ особѣ своей предсав-
 ляетъ намъ земнаго Бога, и такъ мож-
 но ли думать о совѣсти или дурно дѣ-
 лать, когда исполняешь повелѣнія его?
 — Какъ же Государь долженъ быть
 справедливъ, челоѵколюбивъ и мило-
 сердъ? — Вы говорите, что исполняя
 волю его, подданные не могутъ погрѣ-
 шить противу совѣсти своей: слѣдова-

тельно Государь есть совѣсть народа; а когда такъ, то онъ одинъ виновенъ, что подданные его злодѣи... шираны... безсовѣстные!... Ты очень глупъ, вскричалъ дядя мой, ничего не понимаешь... Я молчалъ, сударь— потому, что слушаешь меня бы не смали..... Каждую минушу спановилось мнѣ несноснымъ жилище сіе; я желалъ оное оставишь; но дядя мой воспрещалъ мнѣ по учинить, боясь, чтобъ не разболталъ я о слышанномъ и видѣнномъ мною; оставалось мнѣ бѣжать, какъ изъ Басшиліи, такъ и изъ Парижа, только безъ товарища я никакъ не могъ напорѣшиться. Къ вамъ чувствовалъ я особенное что-то; изъ всѣхъ заключенныхъ вы были одни, съ копорымъ бы желалъ я оставишь и дядю моего и Басшилію, зная, что вы шѣмъ конечно не огорчитесь. — Когда спасу я сего незнакомца, думалъ я, то конечно будешь онъ со временемъ мнѣ благодарнымъ. Ахъ! сударь, сколько разъ желалъ я вамъ изъяснить чувства мои; но крайняя робость одерзивала верхъ надъ усиліями моими; казалось, что всѣ Басшильскія стѣны были съ глазами и ушми — Чортъ знаетъ, какъ это дѣлалось, ничто не могло укрышься

онъ надзираше я и дяди моего. — Чаше спрашивалъ я дядю моего объ васъ и скоро узналъ, что были вы дворянинъ (такъ какъ и всѣ прочіе заключенные); и что единственная причина продолжительнаго заключенія вашего была опасность, чтобъ освободясь, не разгласили вы о шѣхъ мученіяхъ, которыя претерпѣли вы. Не уже ли по повелѣнію Государя невинный дворянинъ сей сполко спрдакъ, спросилъ я дядю моего? — Государь не винованъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, что окружающіе его такъ обманываютъ... Впрочемъ я уже повпорялъ себѣ, чтобъ не въ свое дѣло не мѣшался. — Пять недѣль спустя послѣ такого разговора услышалъ я онъ дяди моего, что смотрѣнію моему поручена одна половина заключенныхъ, и для того завтра долженъ ты, продолжалъ дядя мой, отнестъ ядъ въ комнату одного Маркиза, осужденнаго на оспение. Я не могъ противиться тому, зная, что если не я, то другой заснупитъ мѣсто мое, и такъ въ назначенной часъ пошелъ я за надзирателемъ въ шюрму осужденнаго Маркиза; съ нимъ все то же происходило, что и съ вами, только онъ выпилъ насюящій ядъ. — Исполнивши все нужное, пошли мы изъ

шюрмы Маркиза; дядя мой заперъ ключемъ дверь. Чшобъ никто не входилъ сюда, вскричалъ онъ— Какъ, не уже ли оставише вы его въ такомъ положеніи!— Для чегожъ не шакъ, развѣ надобно чьей помощи умирашь? — Бѣдинькой, продолжалъ я, умирай же скорѣе— Скоро, скоро умрешь господинъ Маркизъ. Попомъ приказалъ мнѣ дядя мой отойти отъ двери, подлѣ которой остановился было я съ шѣмъ, чшобъ подслушашъ, не производилъ ли въ комнатѣ чего страннаго. — Вечеромъ, когда двойныя двери во всей Басиліи заперлись, дядя мой приказалъ мнѣ итти за собою въ шюрму бѣднаго Маркиза. Ахъ, сударь, какое шо было для меня ужасное зрѣлище! предсавъше себѣ: мершвой Маркизъ лежалъ на пуховикѣ своемъ, открывши ротъ и глаза; онъ былъ обезображенъ смрътью, и я шакъ испугался его, чшо конечно бы убѣжалъ, естлибъ не былъ остановленъ дядею моимъ, кошорой приказалъ мнѣ отнеоши шрупъ въ могилу для созженія; я повиновался: мы отнесли шрупъ въ могилу, гдѣ увидѣлъ разведенной большой огонь, и на немъ стоялъ большой кошель съ пивомъ. Ты думаешь, сказалъ дядя мой, чшо шрупъ созженъ

будеть; иѣтъ, онѣ пригодился намѣ на другое унопрѣбленіе: у меня естѣ знакомой лѣкарѣ, продолжалѣ онѣ, живеть въ Сент-Эшьень де Гресской улицѣ и покупаешѣ всѣ шѣла у меня — И шакѣ ошнеси пожалуй шѣло сего Маркиза къ нему, я шебѣ останусь благодарнымѣ. Съ симѣ словомѣ положилѣ дядя мой шѣло въ мѣшокѣ и взбросилѣ мнѣ на плечо — я увѣрялѣ, что не снесу шаккой шяго-єши; дядюшка утверждалѣ тому про-пивное — надлежало повиноваться; онѣ проводилѣ меня до самага подѣемнаго мѣста, пощепшалѣ на ухо часовому — и я былѣ пропуценѣ. Жизнью ошвѣчаю, что надзирашель имѣлѣ половину ошѣ дяди моего шаккого барыша; ибо не однократно слыхалѣ я ошѣ дядюшки, что безѣ вѣдома его ни однажды не опускается подѣемной мосѣль Баспили. — Не смотря на шяжесшѣ мой ноши, я всю дорогу бѣжалѣ; безѣ привычки бывѣ столь близко ошѣ мертваго человекѣ, мнѣ казалось, что онѣ и ворочается и спонетѣ. — Окончавши препорученіе мое, началѣ я размышляшѣ: возвратишь-ся ли мнѣ въ Баспилю? — Шарилѣ въ карманахѣ, хотѣлѣ перечесшѣ шиденьги; но посудите о неудовольствіи моемѣ: я позабылѣ кошелекѣ въ комнашѣ

дяди моего— Безъ него бы я не далеко ушёлъ, и слѣдовательно пришлось бы помучиться въ той большой залѣ, гдѣ развѣшены тѣ страшныя орудія : я вздрогнулъ, сударь, и побѣжалъ въ Бастилію. — По возвращеніи моемъ получилъ шесть франковъ за труды: ты получишь вдвое при первомъ случаѣ, при молвилъ дядюшка, господину де Моншвелю не долго жить. . . . Слова сіи поразили меня, я занялся вымысленіемъ способа, какъ бы намъ ошпуда скрыться, и скоро остановился на одномъ, сказавъ дядѣ моему, что чувствую жестокою зубную боль. У меня очень часто, продолжалъ я, боляшъ зубы и покойной башюшка вылѣчивалъ меня опіемъ: пожалуйше и вы мнѣ опіума, авось Богъ дастъ, все пройдетъ—Будучи разжалобленъ словами моими, дядюшка далъ мнѣ пузырекъ до половины налишой съ опіемъ, примолвя при томъ, чтобъ поосторожнѣе его употреблялъ, а то лишніе часы проспую.— Радуюсь сей первой моей удачѣ, побѣжалъ я въ комнату свою, перелилъ опій изъ пузырька, полученнаго мною отъ дяди, въ шотъ, гдѣ былъ приготовленной для покойнаго Маркиза ядъ, вымывши однако же его чисто на чисто; пошомъ нарочно

уронилъ первой пузырекъ на полъ и по желанію моему оной разшибся на мѣлкія часши. Я схватилъ одинъ вершокъ снѣкла, побѣжалъ съ онымъ къ дядѣ моему, наказывалъ ему, что неоспорожно уронилъ пузырекъ и оной разшибся; а оный разлился по полу, и для того просилъ его дать мнѣ другой... Старикъ на сей разъ былъ обманушъ, онъ далъ мнѣ пузырекъ гораздо больше прежняго и полной... Какъ бы мнѣ не умереть съ эшаго? — Нѣтъ, только лишняго сусѣкъ двое поспишь. — Тутъ уразумѣлъ я, что первой пропорціи будетъ довольно для намѣренія моего, и такъ припрятавъ пузырьки, былъ тѣмъ болѣе покоенъ, что имѣлъ тройную пропорцію потребнаго мнѣ опя — Черезъ часъ пришелъ я къ дядѣ моему и сказалъ, что съ легкой руки его зубы перестали у меня болѣть. — Онъ радовался тому, и между разговоромъ нашимъ уведомилъ меня, что приговоръ судьбы вашей конченъ и вы осуждены на опоеіе ядомъ чрезъ три дни... Наканунъ назначеннаго къ смерти вашей дня, нашелъ я случай быть подъ окномъ вашимъ и предупредилъ васъ пить все то, что вамъ дадутъ; ибо боялся я, чтобъ вы опказались выпить

составленной мною опій , или когда поднесешь вамъ оной надзиратель, то вы прольете его и тѣмъ принудите дать вамъ настоящаго яда. — Оставя окошко , спѣшилъ я въ комнату свою; шамъ началъ приуготовлять пузырекъ, налилъ было его до половины; но вспомнивъ , что пузырекъ съ ядомъ всегда бываешь полонъ (подливши воды боялся ослабить силу опія , наливши же полной пузырекъ цѣльнаго опія страшился умеривши васъ; долго не зная я, что дѣлать), пришло мнѣ въ мысль дополнить пузырекъ шеріакомъ , смѣшаннымъ съ водою такъ , что никакой опій не шерялъ славы : а во вторыхъ имѣлъ точно такой же цвѣтъ , какъ и настоящій ядъ, коимъ носилъ я покойному Маркизу. — На другой день позванъ былъ я къ надзирателю, въ присутствіи котораго дядя мой вручилъ мнѣ пузырекъ съ настоящимъ ядомъ — Для ошдаденія всякаго сомнѣнія или подозрѣнія подошелъ я къ дядѣ моему: нынче получу я 12 франковъ за ночную ношу, спросилъ его? — Да , отвѣчалъ онъ, кивнувъ головою — Послѣ сего пошли мы съ надзирателемъ и двумя солдатами къ вамъ; на поворотѣ того коридора, коимъ прямо ведешь въ шюръ-

му вашу, я остановился, перемѣнилъ пузырьчатки, попомъ застучалъ ногами, какъ будто бы спотыкнулся: здѣсь голову сломишь, вскричалъ я, сдѣлавши странную изъ лица мину. — Надзирашль обернулся, посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и безъ всякаго подозрѣнія продолжалъ ишти далѣе.

Наши путешественники увидѣли въ самое се время въ споронѣ домъ; Альфонзъ прервалъ повѣствованіе Графа, предлага остановишься въ томъ домѣ, естли оной постоялой дворъ; Графъ и Лорета согласились на предложеніе Альфонза. Подѣхавши къ дому, узнали они въ точности, что то былъ постоялой дворъ, и такъ расположились они въ немъ отдохнуть послѣ дневной усталости, и ночевашь.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

„Настало утро! — Нѣжный и сла-
 „бый блескъ свѣта возвѣщаетъ
 „пришествіе его на испещренномъ
 „востокѣ; но скоро распротра-
 „няется, множится, блеспитъ,
 „освѣщаетъ шѣни, и рогоняетъ

„ночь — Она бѣжитъ — бѣжитъ
 „быстро! . . . Юный день являет-
 „ся — исчезаетъ мракъ! — пред-
 „ставляются глазамъ огромныя
 „ландшафты, холмъ, испещренный
 „еще мокрыми и унизанными пер-
 „ловыми каплями утренней росы,
 „двѣтами и травою! — Тамъ гро-
 „мада горъ, кремнистые утесы,
 „покрытые густымъ шуманомъ,
 „воздымаются вдали. — Здѣсь отъ
 „быстрыхъ пошюковъ клубится
 „густой паръ, синѣясь къ небе-
 „самъ! . . . Робкой заяцъ выходитъ,
 „прыгая или — изъ логовища сво-
 „его, или изъ подъ хлѣбныхъ ко-
 „лосевъ; между шѣмъ, какъ ди-
 „кой олень, прыгая, рѣзвился по
 „мшистой муравъ, онъ часто ози-
 „рается, боится — каждой шорохъ
 „отражается въ движенияхъ его!
 „— Гармония пернатыхъ жителей
 „лѣсныхъ возвѣщаетъ всеобщее
 „пробужденіе: рошцы наполня-
 „ются различными пѣснями; все
 „улыбается; поворошливый па-
 „схухъ пробужденной натурою,
 „оспаиваетъ мягкой одрѣ свой,
 „оставляетъ мирный шалашъ,
 „гдѣ съ добродѣшью живешь

„онъ; порядкомъ выгоняетъ тучное стадо свое въ полъ паси- на свѣжей травѣ наступающаго утра! — Скромный пасухъ са- дится подъ шѣную вязовъ — са- дится и напроиваетъ сладко- гласную свирѣль свою! . . . Не романсъ хочетъ онъ на ней иг- рать; но съ чистѣйшимъ чув- ствованьемъ души своей хочетъ онъ вознести умильную мольбу къ престолу Царя Царей! . . . „

Г о м л с о н ъ.

„Померкнетъ дневной свѣтъ, солнце закатится за лѣсъ дубровой; а я все буду злополучнѣе всѣхъ! „

О т в а ѣ.

Явилось солнце на блестящемъ го- ризонтѣ; никакое мрачное облако не покрывало лучей его; листья унизаны были жемчужными каплями росы — Нѣжный другъ природы, счастливый соловѣй пересталъ нѣжить чувства въ крашкѣнѣ; вспорхнулъ и воспѣвалъ красому наступающаго дня! . . . Насла- дясь пріятншвами воскишительныхъ

грезь, наши путешественники пробудились; Лорета увидя Альфонза, раздѣлила съ нимъ общую радость всей природы; Альфонзъ старался казаться веселымъ; но внешнею. — Страстная супруга читала въ глазахъ его ужасное сердечное волнение; она сама въ тайнѣ вздыхала о томъ, употребляла все, чѣмъ развеселишь Альфонза, старалась и успѣвала: супругъ ея улыбался; но не могъ разогнать задумчивость свою. — Чувствительная и нѣжная Лорета и улыбкою была довольна — довольна, очень довольна . . .

Послѣ умереннаго обѣда, состоявшаго въ молокъ и плодахъ, они отправились въ пущь — сперва разговоръ конулся о разныхъ предметахъ; потомъ дошла очередь до Графа продолжая повѣствованіе свое и онъ началъ: ну, хорошо, сударь! продолжалъ Яковъ Перлснъ, весь тотъ день мучился нестерпимымъ желаніемъ войти въ комнату вашу, посмотрѣть на васъ. — Просить на то позволенія починать я не нужнымъ; ибо зналъ, что мнѣ указано будетъ, и такъ разчелъ лучше удержавъ непомѣрное любопытство свое до времени — Пришла ночь, дядя мой зовалъ меня къ себѣ, спуй за мною;

сказалъ онъ мнѣ. (Это было, сударь, въ одинъ часъ, какъ не задолго передъ тѣмъ навѣщали мы мертваго Маркиза). Посудише о страхѣ моемъ, когда проходя коридоръ, ведущій къ шюрмѣ вашей, воображалъ я, что можете быть не уснули еще, да ежели и уснули, то боялся я, чтобъ грубая ухватка дяди моего или другое что не пробудило васъ; но слава Богу! безъ всякой непрямой встрѣчи перенесли мы васъ въ могилу. — Вся кровь во мнѣ остановилась отъ страха, когда дядюшка сказалъ мнѣ, что вы еще не просыпали. — Къ счастью моему я не много успокоился, какъ примолвилъ онъ, что это ничего не значить, сойдетъ съ рукъ. — Положа васъ въ большой мѣшокъ такъ, что голова ваша пришлась къ отверстію онаго, вскинулъ мѣшокъ на плечо и ушелъ, оставя дядю моего одного варить себѣ пиво, до котораго былъ онъ большой охотникъ. . . . Вместо того, чтобъ итти къ лѣкарю, я пришелъ къ Сент-Жанскимъ ворошамъ, и какъ скоро вышелъ изъ города, то искалъ глазами какого нибудь забора, въ споронѣ онъ большой дороги, и нашедши оной положилъ подлѣ него ношу свою, вышаскивая васъ при каждомъ

движеніи спрашился, не задохлѣсь ли вы; приложѣ однакожь руку къ сердцу вашему, съ восторгомъ почувствовалъ, что оно довольно сильно бьется; потомъ нарядилъ я васъ въ чепецъ, юпку, шляпку, передникъ и маншилю: все это взялъ я въ Баспили, у одной старой женщины, которая служила назирашело и дядѣ моему. Не подумайте, сударь, чтобъ укралъ я то: нѣтъ — нѣтъ, половина луидора положена мною на самое то мѣсто, откуда взялъ нарядъ сей. Собравъ все сіе вмѣстѣ, закинулъ я оное подъ камзолъ мой, сказывая дядѣ моему, что сдѣлалъ сіе для того, чтобъ не напрядишь плеча отъ такой ноши. — Нарядя васъ, спалъ я самъ наряжаясь, выворочилъ платье мое, измаралъ руки и лицо составомъ, унесеннымъ мною изъ Баспили; потомъ собравъ въ кучу прежнее платье ваше и мѣшокъ, преребросилъ все чрезъ заборъ; съвниз же подлѣ васъ съ нетерпѣливостью ждалъ, или чтобъ вы просиулись, или, чтобъ прошла какая пушная шельжка и довезла обѣихъ насъ куда мнѣ хотѣлось. — На разсвѣтѣ услышалъ я шумъ колесъ; посмотривши, увидѣлъ ѣдущую шельжку, наполненную поклажю; извожикъ сидѣлъ впереди и

я примѣшилъ, что еще было у него мѣсто для насъ двухъ, и такъ спросилъ его, куда ѣдетъ онъ? — Въ Даммаршинъ, ошвѣчалъ извощикъ — Послушай, дружокъ, сказалъ я ему дурнымъ Французскимъ нарѣчьемъ, у меня шамъ подлѣ забору лежишь женщина больная, почти при смерти; я дамъ тебѣ за труды, еснъли ошвезешь ты насъ съ нею куда намъ надобно; тебѣ будетъ то по дорогѣ, примолвилъ я. — Послѣ короткаго шорта согласился онъ исполнить прозьбу мою — Принесши васъ и положиши на шелѣгу, самъ сѣлъ подлѣ извощика и держалъ одною рукою васъ, чшобъ не свалились вы съ шелѣжки. Мы часто останавливались на дорогѣ: одни сожалѣли о женѣ моей; другіе шутили на мой шотъ — Иные, будучи челоуѣколюбивѣе, подавали мнѣ милосшыну, приговаривая при шомъ, чшобъ спарался о выздоровленіи жены своей; я покупалъ въ ихъ же присутствіи хлѣба и вина, подавая оное вамъ; доброй малой, говорили всѣ, и одна старая женщина удвоила милосшыню свою. — Пришла ночь, и вы не просыпались; намъ ошмалось ѣхать одну люю до Даммаршина; я былъ въ нерѣшимости; наконецъ вспомнилъ, что въ нѣкошоромъ раз-

стоянїи отъ большой дороги былъ постоялой дворъ. Мы намѣрены ночевать въ томъ постояломъ дворѣ, говорилъ я извозчику, которой не далско отсюда въ сторонѣ отъ большой дороги, потому, что городскіе ночлеги для насъ очень дороги. — Извозчикъ на то согласился; подѣхавъ къ постоялому двору осшановилъ онъ лошадей; я слѣзъ съ шельжки, заплашилъ извозчику уговорныя деньги, взялъ васъ къ себѣ на руки и распростившись съ извозникомъ, я полагаю, что спать вамъ осталось не долго, и для того рѣшилсяждать пробужденія вашего, прежде нежели взойши въ постоялой дворъ. Такимъ образомъ пошелъ я въ полъ и увидя глубокой сухой ровъ, гдѣ вы проснулись, сударь, тамъ положилъ я васъ подлѣ себя, восхищаясь успѣхами предпрїятія моего. Въ самое то время вы проснулись. О! сударь, я напередъ зналъ, что вы удивитесь нашему маскараду. Сими словами окончилъ Яковъ повѣствованіе свое; я благодарилъ его съ чувствомъ искреннѣйшей признательности, хваля вымысль его. Теперь, сказалъ я ему, надобно намъ подумать, какъ бы выѣхать за границу Франціи по скорѣе; а не то дядя швой конечно будетъ ше-

бя опыскивашь ; сжелижъ тебя пой-
маюшъ , шо и мнѣ неизбежная бу-
дешъ погибель Одно осшалось , су-
дарь , средсво: поѣдемше скорѣе въ за-
мокъ вашъ ! . . . Посудите объ удивле-
нн бѣднаго Якова , когда узналъ онъ ,
что я ничего не имѣю : вся надежда
сто какъ будто бы мыльной пузырь
лопула ; иначе полагалъ онъ , что
имѣю я владѣнн или въ Шпалн , или въ
Германн , и что щедрою рукою награ-
жденъ будешъ онъ за спасенне мое . Тще-
пная надежда ! Однакожъ съ бодростно
перенесъ онъ вѣсть сию ; но слезы по-
кашились изъ глазъ моихъ , когда по-
молчавъ не много , послушаше , сударь ,
вскричалъ Яковъ , еспьлибъ вы были
богаты , не ужелибъ оставили бѣднаго
Якова ? — Нѣшъ — конечно нѣшъ ! — Сла-
ва Богу , сударь , у Якова еспь деньги :
вы ихъ не имѣете , и такъ все , что
Яковъ имѣешъ , и самъ онъ принадлежишъ
вамъ — Возьмите , сударь , эшошъ ко-
шелекъ , возьмите , онъ намъ пригодн-
ся : бѣдноспъ не еспь порокъ ! — Вы-
говоря слова сн , положилъ онъ коше-
лекъ свой къ ногамъ моимъ . . . Гдѣ най-
ши въ нашемъ вѣкѣ другова Якова ? —
Послѣ долгихъ разсужденн рѣшились
мы ѣхашъ въ Германн , все подъ пре-

жнею одеждою нашею, чтобъ удобнѣе выдаться изъ Франціи. — На другой день поутру отправились мы въ путь и чрезъ десять дней приѣхали мы благополучно въ Германію — Въ продолженіе дороги Яковъ не переставалъ говорить мнѣ о двухъ предметахъ : первой былъ шопъ, что боялся онъ бытъ войману разсыльщиками Басилия, а второю составлялъ шопъ, что желалъ онъ знать, въ какой части Германіи живешъ братъ его, которой оставилъ Парижъ у е чешыре года съ одичъ всизвѣстнымъ и кому челоукомъ; знали шолько, что они поѣхали въ Германію. Онъ былъ большой лентяй, продолжалъ Яковъ, и конечно избралъ родъ жизни, соотвѣтственной выбору и склонности своей; однакожъ, сударь, гдѣ найши ему такого раздолья, какое имѣлъ онъ въ Парижѣ, служба камердинеромъ у одного Маркиза. О! сударь, эта должность къ нему очень шла, и будучи богато наряженъ, онъ походилъ на напудренную обезьяну! — Я бы конечно по ошибкѣ его могъ заступитъ мѣсто Маркизскаго камердинера; но я предпочелъ лучше студишься, нежели слыть лежебокомъ! — Видѣше ли, сударь, что очень хорошо сдѣлалъ; од-

иакожъ оставимъ эшо: что прошло то
 прошло— Ахъ! любезной баринъ, хоть
 сердись на меня; а я все буду весель;
 послушайте еще меня: вы знаете, что
 я славно чоботы шочаю, и не возмож-
 но, чтобъ въ такомъ большомъ городѣ
 прожилъ ремесленникомъ всякой безъ
 работы, развѣ какой разиня!— По при-
 ѣздѣ нашемъ въ Германію, Яковъ смылъ
 въ первомъ ручьѣ черную краску съ
 лица и рукъ своихъ, лошомъ въ пер-
 вомъ городѣ купилъ, какъ себѣ, шакъ и
 мнѣ плащье, и мы вмигъ пересодѣлись.
 Послѣ закупки въ кошелькѣ Якова ос-
 талось только одинъ луидоръ и две-
 надцать франковъ, и такъ изъ эконо-
 мїи рѣшились мы продолжать путь
 свой пѣшкомъ, ѣсть хлѣбъ и сыръ;
 такъ у насъ никогда не плащили за ноч-
 легъ; ибо ночевали на чистомъ воздухѣ:
 нужда ко всему пріучитъ. Я забывалъ
 усталость мою, воображая, что уже
 свободенъ; а Яковъ не преставалъ по-
 вторять мнѣ, что онъ лучше согла-
 сится спать на голой землѣ и на от-
 крытомъ воздухѣ, чѣмъ на мягкомъ пу-
 ховикѣ въ Басшиліи! — Продолжая пу-
 тешествіе наше, одною ночью при пол-
 номъ мѣсячномъ сіянии развалины зам-
 ка, въ кошоромъ ны Лореша была за-

ключена, привлекли вниманіе наше; мы почли его необитаемымъ— Ворошны были распершы; мы вошли на широкой дворъ, и не примѣчая болѣе ничего, рѣшились ночевать въ немъ.— Уже легли мы въ одномъ углу двора и располагались заснуть, какъ вдругъ звукъ охотничьяго рога привлекъ вниманіе наше. Въ молчаніи внимали мы оному; спустя минуты двѣ, человекъ, вышедшій изъ самой ошдалѣннѣйшей части сего огромнаго зданія, взошелъ на дворъ и подходя къ ворошамъ, кричалъ: сюда, сюда; нечего бояться.— Попомъ услышали мы попомъ множества лошадей, подбѣжавшихъ къ ворошамъ; всадники сошли съ лошадей своихъ, и входя на дворъ, говорили скоро и громко. Первые слова, которыя ясно услышалъ я, и которыя мнѣ объяснили странное дѣйствіе, были слѣдующія: чортъ бы побралъ прокляшую дорогу эшу! — Ни одной души таки по ней не пройдетъ! . . . Въ самое сіе время другой человекъ вышелъ на дворъ изъ внутренности зданія; у него была лампада въ рукахъ — Яковъ потчасъ вскочилъ отъ меня и подбѣжавъ, бросился къ нему на шею, крича: ахъ! брашъ! — любезной брашъ! насилу я шебя нашелъ! — Ка-

кими судьбами занесъ шъ сюда, — въ эпошъ пустой замокъ! — Воспламененъ будучи любовью къ брату своему, Яковъ вышолкнулъ изъ рукъ его лампаду; она упала и потухла; сдѣлалась глубокая жемношъ. — Удивленіе ли, страхъ ли тому причиною, что вдругъ послѣдовало всеобщее молчаніе и продолжалось до шѣхъ поръ, пока принесли вновь огня. Увидѣвши свѣшъ, Яковъ прибѣжалъ ко мнѣ, крича брату своему, что я былъ искренній его другъ. — Разбойники (ибо такіе были обитатели замка) окружили меня вмгъ; я всалъ — извинялся въ нагромъ приходѣ моемъ въ жилище ихъ, увѣдомивъ припомъ о несчастіи, съ нами случившемся. — Яковъ заключилъ слова мои, сказавъ имъ, что мы убѣжали изъ Баспили! . . . Разбойники просили насъ взойши въ жилую часть замка и опужинать съ ними вмѣстѣ, между шѣмъ, какъ приготовить для насъ постели. — Не успѣли мы еще и отблагодарить, какъ уже введены были въ большую залу, гдѣ нашла славной ужинъ: я изъ одной учливости ѣлъ; что же принадлежишъ до Якова, то перемѣна блюдъ, къ кошорымъ онъ не привыкъ, умножила природной апнешишъ его. — Послѣ ужина просили мс-

ня рассказать подробнѣе приключенія
 мои; въ удовольствіе желанія ихъ объ-
 явилъ я имъ всю истинну— Яковъ без-
 пресшанно повторялъ о Башили, и о
 побѣгѣ нашемъ.— Какъ не хотѣлось мнѣ
 спашь, однакожъ не могъ отдѣлаться
 безъ конца, послѣ котораго Ашаманъ
 разбойниковъ всталъ и взявши меня за
 руку, мы такіе же несчастные, какъ и
 вы, сказалъ онъ мнѣ; большая часть со-
 браній нашихъ изгнаны изъ общества
 большаго свѣта жестокосердіемъ и не-
 справедливостью людей; но найдеть ли
 кто изъ насъ такого, котораго бы зло-
 получіе содѣлало злополучнымъ; нико-
 гда путешественникъ, котораго мы
 обираемъ, не терпитъ здѣсь мученія—
 Вспомоществуя бѣднымъ, одни богатые
 бывають добычею нашею; но злополуч-
 ныхъ принимаемъ мы въ собраніи на-
 ши: вы несчастливы и мы вамъ пред-
 лагаемъ мѣсто въ сообществѣ нашемъ.
 Оставшись здѣсь съ нами и удалясь отъ
 жестокосердкѣ ширановъ, злоспн за-
 висливаго свѣта, повинуйтесь зако-
 намъ нашимъ — законамъ, основаннымъ
 на прямой честности! — Вотъ-те на,
 господинъ Ашаманъ, вскричалъ, вкоча
 Яковъ, захотѣлъ ты найши честность
 между разбойниками, ха! ха! ха! мой

дѣдушка часно говаривалъ, что всѣ разбойники пречесные плуны, не такъ ли? — Однакожь бышь такъ, я хочу служишь вамъ, ежели господинъ мой мнѣ шо позволишь. —

Между шѣмъ, какъ рассказывалъ я повѣствованіе свое, Яковъ не переснавалъ тянуть порядочно вино, которымъ былъ убранъ споль, и такъ, какъ выпилъ больше мѣры, шо уже и видно спало, что хѣль, а не храбрось говорила языкомъ его. — Примѣшивши шо, Ашаманъ приказалъ было ошвеспи Якова на пругошповленную ему поспель; но онъ увѣрялъ, что переспанеть шумьш, ешъли оспавяшь его со мною. — Мнѣ показалось изъ словъ Ашаманскихъ, что онъ самъ принужденъ веспи шакую жизнь, кошорая ему не была прятна... и шкъ попросилъ позволенія обдумашъ до завшрашняго ушра; безъ сошровивленія позволено было мнѣ шо — Пошомъ распросшившись, мы разошлись; я провелъ большую часъш ночи, обдумывая, на что должно мнѣ рѣшишья; присоединишья къ числу разбойниковъ казалось мнѣ ужаснымъ съ другой споронъ чувствовалъ я большее отшращеніе о пѣ свѣта, въ кошоромъ шшолько прешерпѣлъ злопо-

лучія и жестокосшей: наконецъ рѣшился принять предложеніе Ашамана. — На другой день поутру проснувшись, Яковъ совсѣмъ позабылъ о происшествіи миновавшей ночи; со страхомъ разбудивъ меня, спрашивалъ: не въ Басшилїи ли мы? — Братъ Якова вошелъ въ самую сию минушу къ нимъ и шѣмъ избавилъ меня отъ большаго съ просносердечнымъ слугою моимъ объясненія. — Увидя брата своего, онъ вспомнилъ, гдѣ мы находимся. — Я поспѣшилъ сообщить Ашаману о рѣшительныхъ мысляхъ моихъ, и скоро получилъ, какъ отъ него, такъ и отъ новыхъ товарищей моихъ поздравленіе. — Ну, шеперь швоя очередь дружокъ, продолжалъ Ашаманъ, оборотясь къ Якову, сдержать свое слово. — Какое? — Быть членомъ общесипва наше о, товарищемъ нашимъ! — Развѣ я давалъ вамъ слово? — Какъ же, не уже ли и забылъ: какой же ты безпамятной! — Когда далъ такъ и сдержу слово свое: поздравьте меня шоварищемъ своимъ, только съ шѣмъ уговоромъ, чшобъ содержали вы меня по лучше, а служить я радъ! . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

„Такъ! — Такъ, это она. — Я узнаю сей маленькой кресчикъ!,,

Ааронъ-Гиль.

Въ вродедшую ночь всѣ тѣ изъ разбойниковъ, которые находились въ ошлучкѣ изъ замка, имѣли лица свои измаранные различными красками: это была обыкновенная ихъ привычка, когда тѣдили на добычу. — Въ слѣдующій день всякой изъ нихъ принялъ собственной своей видъ, и Яковъ узналъ въ Кроонзерѣ того человѣка, съ копорымъ братъ его уѣхалъ изъ Франци — Въ короткихъ словахъ вы узнаете Кроонзера: онъ былъ сынъ одного Нѣмца и Француженки, и всегда почти живалъ во Франци; родители его были изъ числа шѣхъ искусныхъ шарлашановъ, которые обманываютъ легковѣрной народъ и живутъ нащотъ ближняго. — Они дѣлали мошенничества свои съ законнаго позволенія, и хоша прямо назвашь не лъзя ихъ было ворами, такъ по крайней мѣрѣ удачными обманщиками. — Такимъ образомъ Кроонзеръ сдѣлался извѣстнымъ шарлашаномъ въ Парижѣ. Случаемъ по-

знакомился онъ съ шайкою разбойниковъ, коимъ онъ скоро пригодился. -- Всякой годъ ѣздилъ онъ во Францію, гдѣ находилъ случай продавать съ выгодною персими, часы и другія знашней цѣны вещи, ограбленныя у проезжающихъ разбойниками въ теченіи цѣлаго года. — Прежде знакомства съ Кроонзеромъ, разбойники почитали шѣ вещи бездѣлицами, и не одинъ изъ нихъ не отваживался самъ продавать ихъ. — Въ одну изъ шѣхъ поѣздокъ въ Парижъ Кроонзеръ познакомился съ братомъ моего Якова; обольстивши его разными обѣщаніями, уговорилъ ѣхать съ нимъ, и не прежде открылъ ему истинну, какъ предсавя его товарищамъ своимъ. — Ашаманъ упрескалъ Кроонзера въ неразборчивости (ибо узналъ, что Гильомъ Перлетъ былъ бѣденъ), и запрешилъ впредь такъ поступать; и къ счастью разбойниковъ Гильомъ-Перлетъ сдѣдался досшойнымъ Кроонзеровой и всѣхъ товарищей своихъ довѣренности; будучи очень лѣнивъ, чрезъ мѣру былъ доволенъ новымъ образомъ жизни своей. — Ашаманъ содержалъ меня въ большой милости; въ продолженіи перваго года ничего отъ меня не требовали; всякая прихошь моя испол-

нялась, и во все мое пребываніе у разбойниковъ, кошорое продолжалось около осьми лѣтъ, ошягощенъ я былъ шоль-мъ и ночнымъ карауломъ — Первой изъ сихъ карауловъ имѣлъ предметомъ ошвѣщать га звукъ охошничьяго рога, въ кошорой обыкновенно шрубили разбойники, возвращаясь съ добычи, для шого, чшобъ узнать, не находятся ли въ убѣжищѣ ихъ Полицейскіе Офицеры, и заблаговременно бышь о шомъ извѣщенными, дабы не попасшься съ ограбленными вещами, какъ явными и неоспоримыми доказательствами прешупническихъ замысловъ. — Всѣ шѣ, кошорые не ошправлялись въ дѣйство, были караульными, каждой по два часа ночью на дворѣ замка для шого, чшобъ не схватили ихъ сонныхъ. — Въ продолженіи первыхъ шести лѣтъ моего съ разбойниками пребыванія ничего примѣчательнаго не случилось; и шакъ, какъ меня не принуждали ѣздить на добычу, то и не почиалъ я себя виновнымъ ихъ жестокосердія; — жилъ же довольно спокойно. — Въ концѣ шестаго года Ашаманъ нашъ умеръ. — Сдѣлали зборище, и по большинству голосовъ жребій палъ на Кроонзера. Послѣ шрехъ мѣсяцовъ шакото избранія

наступило то время, въ которое обыкновенно ѣзжалъ онъ во Францію, и такъ, какъ никто не былъ искусенъ его въ семь оборотъ, но и хотѣлъ онъ непрѣменно, не смотря на новое достоинство свое, предпринять путешествіе самъ, и такъ избравъ одного изъ товарищей разбойничьихъ, поручилъ ему управление должности своей, пошомъ уѣхалъ. — Время его отсутствія было ознаменовано довольно важнымъ обстоятельствомъ: Гильомъ Перлешъ умеръ; долго не могъ я совершенно утѣшиться печальнаго Якова Перлеша; онъ часто мнѣ говаривалъ: ахъ! любезный баринъ, еси-либъ не вы, давнобъ умеръ я съ печали. — Въ назначенное время Кроонзеръ, возвращаясь, привезъ съ собою Кавалера Дегнона. — Кроонзеръ былъ чрезмѣрно корыстолюбивъ: страсть сія вовлекала его въ такіе просунки, которыхъ онъ самъ стыдился, и такъ, когда Кавалеръ удалился въ особо отведенную ему комнату, то Ашманъ нашъ объявилъ и признался намъ въ своей ошибкѣ, и просилъ у насъ совѣту: во время моего послѣдняго путешествія по Франціи, говорилъ намъ Кроонзеръ, я ежечасно бывалъ въ компании игроковъ: шамъ то видѣлъ я часщо Ка-

валера, и выигрывалъ у него по не малому количеству денегъ. Примѣняя же, что спарасеня онъ всячески проманивашь деньги свои, почелъ его за бѣгача, и для того искалъ долго случая обратишь щедрость его въ нашу пользу; наконецъ въ одинъ день нащелъ я его въ кофейномъ домѣ, играющаго въ шашки съ какимъ то дворяниномъ. Между ими поднялась ссора; оба обнажили шпаги, и соперникъ Теодоровъ палъ подъ ударами его; когда гнѣвъ Кавалера утихъ, то впалъ онъ въ ошчаяніе, говоря, что онъ погибнешь!— Одинъ я былъ въ той комнатѣ, гдѣ они находились; подошедши къ Кавалеру, сказалъ ему, что ежели согласишся онъ подписашь вексель въ 1000 луидоровъ, кошорой былъ у меня пригшовленъ; то укрою его отъ всякихъ поисковъ. — Онъ согласился, и я не иначе могъ укрышь его, какъ привезя сюда — Проклятые 1000 луидоровъ: они вкапали меня въ такую бѣду. Но что дѣлашь теперь, друзья мои; какъ избѣжашь опасностей, отъ неоспорожности моей могущихъ произойти?— Послѣ долгаго толкованія положено было, чтообъ Теодоръ далъ присягу никогда не измѣнишь имъ, и даже никому ни подъ какимъ видомъ не ошкрывашь

убѣжище ихъ; потомъ всѣ по одиначкѣ рѣшили въ глазахъ его по ляснѣся умершвишь дерзкаго измѣнника, еспльи онъ не сдержипъ кляшвы своей. — Теодоръ на все согласился: съ разбойниками шупишь не легко: многіе изъ разбойниковъ предлагали, чтобъ Кавалера заключишь на-вѣчно въ замкъ; но Кроонзеръ опвергъ шакое предложеніе; ибо, говорилъ онъ, когда опкроешь убѣжище наше, и найдушь въ немъ шакой знашной породы человекъ, то ужъ нѣчемъ будешъ намъ оправдаться въ преѣшупленіи нашемъ. — Не много епуспя Кавалеръ обѣщаль прибавишь къ 1000, кошорыя Кроонзеръ получилъ, еще 300 луидоровъ съ шѣмъ, чтобъ сей послѣдней поѣхаль въ Парижъ, и бсвѣдомился шамъ, умеръ ли опъ ударовъ Теодоровыхъ соперникъ ег. По возвращеніи своемъ Кроонзеръ извѣсншалъ его, что рана найдена не смершельною, и что онъ совершенно выздоровѣль. Тогда Теодоръ оставилъ насъ, и мы долго объ немъ не слышали. — Въ одну ночь караульной ыримъшя сквозъ развалины человекъ, подѣвжающаго къ замку верхомъ, забилъ шревогу: всѣ разбойники вооружились; но скоро голосъ Кавалера уничиножилъ весь шпрахъ. — Кроонзеръ

хопя, увидя его, самъ на себя и досадовааь, что не запрешилъ ему возвращашся въ замокъ; но все будучи влекомъ корышюлюбьемъ рѣшился еще служить ему — и Теодоръ на разсвѣшѣ уѣхалъ. — Кавалеръ Дегнионъ при ошѣѣздѣ своемъ, сказалъ намъ Кроонзеръ, обѣщалъ дать въ награжденіе 500 луидоровъ, еспьли скрою сесшру его въ замокъ: я принялъ предложеніе его: сесшра моя, примолвилъ мнѣ Теодоръ, хочешъ вышши за мужъ за недостойнаго чловѣка по одной толькo спрасши; а я тому прошиваясь, вознамѣрился предупредитъ замужество то, ошдавъ се въ монастырь, кошорой покажешся мнѣ для предпріяшя моего удобнымъ; но между шѣмъ ошавлю се въ замокъ вашемъ. — Кроонзеръ взялся самъ ѣхашъ за мнимою Теодоровою сесшрою; онъ предложилъ и мнѣ ѣхашъ съ нимъ, на что я и согласился: вымышленнаа небылица по казалась мнѣ правдоподобною. — По приказанію Кроонзерову еще одинъ изъ разбойниковъ тошовился ѣхашъ съ нами. Въ назначенной часъ, измаравши по привычкѣ себѣ лицо, мы поѣхали въ дурной карешѣ, кошорую нашли разбойники, посѣался въ замокъ: на дорогѣ ошанававьвались мы два раза: первой

постоялой дворъ показался намъ неспособнымъ къ предпріятію нашему : онъ сшоялъ на большой дорогѣ; и шакъ поѣхали мы до шой избушки, гдѣ прбыла ты, дочь моя, цѣлой день. Тамъ уговоривши за умѣренную цѣну дровосѣка, въ ней живущаго, бышь въ гошовности приняшь насъ на возвратномъ пути нашемъ. — На другомъ же посшоломъ дворѣ не дѣлали мы никакихъ важныхъ предосторожностей; ибо долго въ немъ пребышь не располагались. Пріѣхавши въ шо мѣсто, гдѣ Кроонзеръ долженшвовалъ найши Кавалера, по условленному сигналу между Теодоромъ и маленькою дѣвочкою швою, она вскричала, что шалашъ горитъ и выбѣгая, отворила дверь; мы вошли и пользуясь шѣмъ временемъ, какъ была ты въ обморокѣ, опнесли тебя въ карету, у которой находился оставленной шоварищъ нашъ : онъ легъ съ тобою въ карету, а Кроонзеръ и я управляли лошадьми. — Плашье и шалашъ, въ котормъ мы нашли тебя, шакъ мало сошшествовалъ разсказамъ Кавалерскимъ, что мы уже начали сомнѣвашся объ истиннѣ словъ его. — Въ маленькомъ посшоломъ дворѣ, гдѣ въ первой разѣ мы останавливались, пріѣздъ нашъ про-

извелъ всеобщее любопытство ; но искусно выдуманная Кроонзеромъ небывлица удивляла всѣхъ ; что же касается до избушки дровосѣка : то она, бывъ въ лѣсу, не сдѣлала намъ никакого помѣшательства. — Здѣсь Лореша спросила отца своего , для чего Кроонзеръ, не имѣя умысла покуситься на жизнь ея, выдергивалъ шлагу въ самое то время, когда она испрашивала милости у того, съ которымъ находилась въ каретѣ? — Поэтому, отвѣчалъ Графъ Бирофъ, чтобъ удержать товарища нашего объявить тебѣ участь свою ; ибо Теодоръ просилъ насъ оную отъ себя скрыть ; Кроонзеръ такъ былъ разсѣянъ, что и позабылъ извѣстить насъ о семъ прежде. — Поѣхавши изъ постоялаго двора, продолжалъ Графъ Бирофъ, мы дали волю товарищу нашему править дощадьми, а сами сѣли въ карету : прѣхавъ же въ избушку, отправили его напередъ въ замокъ для предупрежденія нашего прѣзда. — Карета наша, такъ какъ я уже сказалъ выше, служила уже намъ очень давно ; ты, думаю, примѣшила, дочь моя, какъ прещала она по той непроѣзжаемой дорогѣ въ лѣсу. И такъ положили мы ее ославить въ лѣсу и пошомъ возвра-

пишья въ избушку съ однѣми лошадыми: какъ положили, шакъ и сдѣлали. — Теперь ты знаешь, дочь моя, все то, что случилось въ продолженіи дороги отъ избушки до самаго замка. — Скажише, бабушка, вскричала Лореша, кто былъ тотъ чловѣкъ, котораго видѣла я, прѣхавши въ замокъ, съ лампадою въ рукѣ? — Это былъ одинъ изъ разбойниковъ: онъ думалъ, что мы еще не прѣхали. — Какъ же я испугалась, воображая, что то былъ Теодоръ! — Тщесно старались мы показанъ шебъ замокъ необидаемымъ, чтообъ скел и наша ны случай отъ насъ скрышея, тобъ не могла и подумашь, что злодѣи твои жили съ тобою вмѣстѣ. . . Кто были, бабушка, шѣ люди, которые приходили къ дверямъ комнаты моеи на другой день моего заключенія, спросила Лореша: — Товарищи наши, отъвѣчалъ Графъ; они будучи въ отлучкѣ нѣсколько уже дней, не знали, что ты находишея тушъ и хотѣли спрашашъ въ той комнатѣ добычу свою; но Кронзеръ скоро остановилъ ихъ. — Тушъ замолчалъ Графъ; Лореша слушала съ большимъ вниманіемъ и съ гореснымъ удовольствіемъ, смѣшеннымъ со страхомъ, скрытые замыслы безчловѣчнаго Теодора;

потомъ, между тѣмъ, какъ отецъ ея ошдыхалъ не много, она принесла благодареніе къ тому Вышнему Существу, Которое даровало ей мужество перенести столько печалей; по окончаніи чего Графъ такъ продолжалъ: ты помнишь, я думаю, что безовсякихъ чувствъ отнесли тебя со двора на постель твою въ эту комнату, гдѣ содержалась ты. Пришедши въ память, умоляла ты меня, пощадишь тебя. Съ самой сей минуты крестикъ твой и черты лица поразили меня: я находилъ въ тебѣ большое сходство съ матерью твоею; но не знавъ, имѣла ли она дочь, былъ только удивленъ шаковымъ сходствомъ двухъ женщинъ, которыхъ не полагалъ столько тѣсными узами родства соплетенныхъ. — Кроонзеръ взялся самъ приносить тебѣ дневные припасы; хотя и желалъ я быть на то употребленъ, но на сей разъ желаніе мое не исполнилось. — Тотъ день, когда скрылась ты изъ замка, я первой примѣтилъ побѣгъ твой. . . . Тутъ Лорена прервала повѣствованіе отца своего, чтобы рассказать Альфонзу, какимъ чудеснымъ образомъ Провидѣніе избавило ее отъ смерти, не взирая на эту вышину, съ которой она упала. — Графъ Бирофъ улыбался при

такомъ разсказываніи Лоретиномъ , и
 увѣрилъ ее , что башня та построена
 была такимъ образомъ , что находилось
 въ ней семь ярусовъ , каждой съ боль-
 шимъ усступомъ ; ты , дочь моя , примол-
 вилъ Графъ Лорешъ , заключена была въ
 самомъ нижнемъ ярусѣ , кошорой не вы-
 ше былъ отъ земли , какъ на три фуша .--
 Никпо не слыжалъ паденія стѣны ; ка-
 раульный хотя и примѣшилъ обруше-
 ніе камней ; но таковой стукъ такъ
 былъ обыкновененъ , что онъ никакого
 о томъ не сдѣлалъ примѣчанія , и уже да-
 вно , было устро , какъ я , прохаживаясь
 около башни , увидѣлъ проломъ . Увѣренъ
 будучи , что себя тамъ не найду , воз-
 шелъ однако же я въ башню : крестъ , ви-
 сящій теперь на груди твоей , поразилъ
 вдругъ меня ; я тотчасъ узналъ его : се
 общою шельство и сходство твоё съ
 Лорешою , машерью твоею , испребили
 все сомнѣніе мое и я положилъ навѣр-
 но , что ты дочь ея ; только по началъ
 однако же Графа де Когенбурга ошцомъ
 твѣдимъ . Зная же , что мать твоа не
 могла имѣть сына Тсодоровыхъ лѣтъ ,
 я положилъ , что сей послѣдней нагло
 обманулъ Кроонзера ; но рѣшилъ мол-
 чать до времени . И такъ спряшавъ
 крестъ , пошелъ увѣдомишь Кроонзера о

побѣгѣ швоемѣ. Извѣстїе такое огорчило его; онѣ опасался, чтобѣ Теодорѣ не почелѣ то пренебреженїемѣ, и не надѣлалѣ бы ему зла. — Нѣсколько людсеи верхомѣ были разосланы во все спорены въ погоню за шобою; но шщениное намѣренїе! — На другой день вечеромѣ прїѣзжаетѣ Теодорѣ, сердшнся неуспѣшнымѣ произведенїемѣ коварныхѣ замысловѣ своихѣ, и пошомѣ уѣзжаетѣ самѣ ошыскивашѣ шсебя, увѣряя одножо же, что шы сеснра его. — Нѣсколко дней по приказанїю, или Теодора, или Кроонзера, разбойники сѣ равною неудачею продолжали искашѣ шсебя; наконецѣ одинѣ разбойникѣ прннесѣ извѣстїе, что поселянинѣ обѣявалѣ ему, будпо бы въ самой день шшого побѣга видѣлѣ онѣ пустышника, живущаго въ мѣсу, кошорой велѣ женщину въ келью свою. — Теодорѣ повелѣлѣ на передѣ очистшть Кроонзеру самое надежнѣйшее мѣсто для шсебя въ замкѣ: то есть, подземелье, кошорое сообщалось сѣ замкомѣ посредствомѣ внутренняго перехода; увѣрившнсь же, что все было гошово, Теодорѣ взялѣ сѣ собою одного разбойника, и такѣ какѣ все лошади были въ сїе время въ разѣздѣ, они пошли пѣшкомѣ искашѣ келью пустышника.

ка. — Я же съ своей стороны рѣшился употребить все способы мои пояснить сомнѣнiе мое, и чтобы узнать, извѣстно ли тебѣ имя жены моей, а твоей матери, преслѣдовалъ тайно за Теодоромъ и спавъ въ густомъ лѣсу, мимо котораго имъ проходилъ надлежало, возвращаясь въ замокъ. Чего бы то ни случилось, я рѣшился произнести громко имя жены моей въ самую ту минуту, когда вы проходили мимо меня, увѣренъ будучи, что ешьли имя сіе тебѣ извѣстно, то конечно удивишься, услыша его въ такомъ мѣстѣ. Восклищаніе твое увѣрило меня болѣе, чѣмъ ожидалъ я — Вся опасность исчезла въ глазахъ моихъ и я положилъ избавить тебя изъ рукъ гонителя твоего — Опивъ твоей парализъ меня: мнѣ воображалось, что жена моя сама говоритъ; между тѣмъ, какъ Теодоръ допрашивалъ тебя, я, оставивъ свое мѣсто, перешолъ совсѣмъ въ противоположную сторону, и какъ скоро бросился онъ въ то мѣсто, откуда слышалъ голосъ, я испорть тебя изъ рукъ его сообщника и опвелъ въ подземелье, тебѣ приугошвленное. Мѣсто сіе определено было тебѣ заоченіемъ; слѣдовательно, какъ могъ Теодоръ думать, чтобы оно же самое послужило

убѣжищемъ, нѣмъ болѣе, что онъ почиталъ спасеніе свое сверхъестественнымъ, и никто не подозрѣвалъ меня въ оплучкѣ. Я возвратился въ замокъ, не много поранѣе Теодора, кошорой запаздаль онѣ того, что подаваль помощь товарищу разбойничьему. — Не мало огорченъ я былъ, сдѣлавши такое мученіе человѣку, кошорой никакого зла мнѣ не причинилъ; но иного средства ко спасенію своему не находилъ; думаю однако же, что еслибы сказаль онъ спрошиваясь — еслибы долженствовало мнѣ убить его или лишиться себя — ахъ! я бы предпочелъ первое — Благодарю небо, что не принудило оно меня того сдѣлать и не довело до такой крайности. — На одномъ сводѣ подземелья близъ лампы оставилъ я, какъ защитника, кинжалъ противу Теодоровыхъ насильствъ, еслибы открыль онъ убѣжище свое: сей-то кинжалъ столько испужаль себя!... Бывъ караульнымъ шу самую ночь, съ безвзвѣднымъ духомъ приходилъ къ себѣ, и скоро оставилъ подземелье, будучи восхищенъ, избавивши дочь свою онѣ угрожающей навасни! — Теодоръ и разбойники оныя поѣхали въ погоню за тобою: первой клялся

ежеминутно отмстить жестокиѣ образомъ избавителю твоему. Прежде наступленія ночи и того часа, въ которой досталось мнѣ быть караульнымъ, не могъ я видѣть себя. Самой сей счастливой караулъ споспѣшествовалъ намѣренію нашему; а само Провидѣніе покровительствовало гонимыхъ судьбой отца и дочь! . . . Смущеніе мое въ продолженіе дороги нашей происходило отъ того, что спрашился разлучиться съ тобою — но слава Богу! хотя вчера Кроонзеръ, удаляясь послѣ Теодоровой смерти и угрожалъ мнѣ гибелью, но, продолжалъ Графъ, мы същемъ себѣ опдавленное убѣжище, которое укроетъ меня отъ коловращеній судьбы! . . . Простите, дѣши мои! вскричалъ, окончивши повѣствованіе свое Графъ Бирофъ, простите симъ слезамъ: онѣ револьнымъ образомъ капаются изъ глубины сердца моего — Ахъ! даруй Боже, чтобъ были то послѣднія слезы горести! . . . Судьба, такъ сказать, водила меня по стопамъ благотворительнаго Ангела, котораго еще и до нынѣ я не знаю: ему долженъ я Лорстою. Юная ея улыбка и нѣжнѣйшія ласки опвращающъ взоръ мой отъ минававшихъ злоключеній моихъ! . . .

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.
